

В. А. Томсинов

Соборное уложение
1649 года
как памятник
русской юриспруденции

Опубликовано в издании:

Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича / Составитель, автор предисловия и вступительных статей В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011. С. 1-52.

СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ 1649 года как памятник русской юриспруденции

Уложение царя Алексея Михайловича рассматривается в исторической литературе, как правило, лишь в качестве памятника русского права. Между тем этот юридический свод выступает помимо прочего воплощением характерных для русского общества XVII века особенностей правового мышления, искусства формулирования новых правовых норм и модификации норм старых, действующих с давних времен, приемов переработки с целью приспособления к условиям русского общества норм иностранных юридических сборников, навыков группировки и классификации правового материала — одним словом, всего того, что составляет содержание явления, называемого юриспруденцией. Соборное уложение 1649 года необходимо изучать поэтому и как *памятник русской юриспруденции*. Оно подвело итог эволюции русской юриспруденции в предшествовавшие исторические эпохи и стало отправной точкой для дальнейшего ее развития.

Произошедшие в начале XVII века перемены во взглядах русского общества на характер государства и верховной государственной власти повлекли за собой изменения и в его правовых воззрениях. В частности, по-новому стало мыслиться такое явление правотворчества, как создание единых для всей Руси правовых установлений.

В предшествующую эпоху оно считалось делом исключительно государя, его детей, «братии» и приближенных к нему бояр. Об этом свидетельствуют сами заголовки судебников 1497 и 1550 го-

дов¹. В XVII веке создание общерусских правовых установлений стало рассматриваться как дело не только царя с боярами, но «государево царьственное и земское дело».

Так, начертанный на свитке текст Соборного уложения 1649 года был подписан триста пятнадцатью членами Земского собора, принадлежавшими к различным сословиям и представлявшими сто шестнадцать городов России². В краткой истории создания Соборного уложения, изложенной в преамбуле к его основному содержанию, рассказывается о том, как собирались выборные для его принятия: «А для того своего государева и земского великого царьственного дела указал государь по совету со отцем своим и богомольцем святейшим Иосифом патриархом Московским и всея Руси, и бояре приговорили выбрать из столников, и из стряпчих, и из дворян московских, и из жилцов ис чину по два человека, также всех городов из дворян и из детей боярских взяти из больших городов, опричь Новгорода, по два человека, из новгородцов с пятины по человеку, а из меньших городов по человеку, а из гостей трех человек, а из гостиные и из суконные сотен по два человека, а ис черных сотен, и из слобод, и из городов с посадов по человеку добрых и смышленных людей, чтобы его государево царьственное и земское дело с теми со всеми выборными людьми утвердити и на мере поставить, чтобы те все великие дела по нынешнему его государеву указу и Соборному уложению вьпредь были ничем нерушимы»³.

Среди лиц, подписавшихся под текстом Соборного уложения 1649 года, были: патриарх Московский и всея Руси Иосиф, митрополит Крутицкий Серапион, три архиепископа, епископ, архимандриты Спасо Нового монастыря, архимандриты Троицы Сергиева, Чудова, Андроникова и Казанского Преображенского монастырей, игумен Соловецкого монастыря, четырнадцать бояр, десять околь-

¹ «Лета 7006-го месяца септември уложил князь великий Иван Васильевич всея Руси с детми своими и с бояры о суде, как судити бояром и околничим», — гласит заголовок Судебника 1497 г. «Лета 7000 пятдесят осмаго июня... царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси с воєю братьею и з бояры сесь судебник уложыл...» — так написано в заголовке Судебника 1550 г. См.: Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 54, 97.

² См.: Список рукоприкладств на свитке Соборного уложения 1649 г. // Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 403–410.

³ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 17.

ничих, казначей, думный дворянин, думный дьяк, князя, священнослужители низших рангов, стрельцы, подьячие, посадские люди, купцы, мещане и др.

Из преамбулы к основному содержанию Соборного уложения 1649 года следует, что инициатором создания этого юридического сборника был царь Алексей Михайлович, принявший данное решение после совета с Освященным собором и Боярской думой. «В лето 7156 го(да) июля, в 16 день, — говорится в первых строках преамбулы, — государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси самодержец в двадцатое лето возраста своего, в третье лето богом хранимая своя держава советовал с отцем своим и богомольцом святейшим Иосифом патриархом Московским и всея Руси, и с митрополиты, и со архиепископы, и с епископом, и со всем освященным собором, и говорил с своими государевыми бояры, и с околничими, и з думными людьми, которые статьи написаны в правилех святых апостол и святых отец и в градцких законех греческих царей, а пристойны те статьи к государственным и к земским делам, и те бы статьи выписать, и чтобы прежних великих государей царей и великих князей российских и отца его государева блаженные памяти великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея Руси указы и боярские приговоры на всякие государственные и на земские дела собрать, и те государские указы и боярские приговоры с старыми судебниками справити. А на которые статьи в прошлых годех прежних государей в судебниках указу не положено, и боярских приговоров на те статьи не было, и те бы статьи по тому же написати и изложить по его государеву указу общим советом, чтобы Московского государства всяких чинов людем от болшаго и до меншаго чину суд и росправа была во всяких делех всем ровна. И указал государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси то все собрати и в доклад написати бояром князю Никите Ивановичю Одоевскому, да князю Семену Васильевичю Прозоровскому, да околничему князю Федору Федоровичю Волконскому, да дьяком Гаврилу Левонтьеву, да Федору Грибоедову»¹.

Приведенная версия истории создания Соборного уложения не вполне, однако, соответствует действительности. В ней умолчен, и скорее всего сознательно, факт подачи царю Алексею Михайловичу двух челобитных от представителей различных сословий. Об этом

¹ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 17.

факте говорится в так называемой «Памяти приказа боярина князя Н. И. Одоевского с товарищи от 16 июля 1648 года в Новгородскую четверть о созыве выборных от посадов, ведомых в Новгородской четверти городов на Земский Собор к 1 сентября 1648 года»¹. Из содержания этого документа явствует, что первая из указанных челобитных была подана государю 10 июня 1648 года. «В нынешнем во 156-м году, июня в 10 день, били челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси дворяне Московские, и жильцы, и дворяне, и дети боярские розных городов, и иноземцы, и гости, и гостинные и суконные и всяких розных сотен и слобод торговые люди, чтоб государь их пожаловал, — велел учинити Собор, и быти б на Соборе из стольников, и из дворян Московских, и из жильцов, и из городовых дворян и детей боярских выборным лутчим людем. И они на Соборе учнут бить челом государю о всяких своих делех».

Царь Алексей Михайлович немедленно отреагировал на эту челобитную и созвал Земский собор. Дата 16 июля 1648 года от Сотворения мира (1648 г. от Рождества Христова), указанная в преамбуле к основному тексту Уложения, является датой заседания Собора, на котором и было принято решение о составлении рассматриваемого юридического сборника. Цитированная выше «Память приказа боярина князя Н. И. Одоевского...» описывает это событие следующим образом: «И по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу был у него, государя, Собор в Столовой избе, а на Соборе был отец иво государев и богомолец святейший Иосиф, патриарх Московский и всеа Руси, и власти, и бояре, и околничие, и думные люди; да на Соборе ж были стольники, и дворяне Московские, и жильцы, да дворяне и дети боярские первых половин Замосковных городов, которые ныне на Москве, и нынешнего лета быти им на государевой службе на Украине, по два человека из города; да на Соборе ж были гости, и гостинные и суконные и всяких розных сотен и слобод лутчие люди. И били челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси дворяне Московские,

¹ Названный документ был обнаружен в одном из архивов историком П. П. Смирновым в 1913 году. См.: *Смирнов П. П.* Несколько документов из истории Соборного Уложения и Земского Собора 1648–1649 гг. // Чтения Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском университете. 1913. Кн. 4. Отдел IV. С. 1–20; *его же.* О начале Уложения и Земского Собора 1648–1649 гг. // Журнал Министерства народного просвещения. 1913. № 9. С. 36–66.

и жильцы, и дворяне и дети боярские из городов, и иноземцы¹, и гости, и всяких чинов торговые люди о всяких своих делах и о том, чтоб указал государь написать на всякие розправные дела Судебник и Уложенную книгу, чтоб вперед по той Уложенной книге всякие дела делать и вершить»² (курсив мой. — В. Т.).

Из приведенных слов очевидно, что свое решение о создании Уложения царь Алексей Михайлович принял не по собственной инициативе, а в ответ на челобитную, поданную представителями различных сословий, собравшихся 16 июля 1648 года на заседание Земского собора.

Этот факт подтверждается и грамотой новгородского воеводы губному старосте Обонежской пятины Нагорной половины Ивану Кобылину от 28 июля 1648 года о созвании выборных на Земский собор, впервые опубликованной в 1836 году в сборнике «Актów Археографической экспедиции»³. В ней говорилось: «По государеву указу и отца его государева и богомольца святейшего Иосифа, патриарха Московского и всея Руси, и по приговору государевых бояр и по челобитию стольников, и стряпчих, и дворян Московских, и жильцов, [и] дворян и детей боярских всех городов, и иноземцев, и гостей, и гостинья [и] суконья сотни, и всяких чинов торговых людей, велено на Москве государевым боярам князь Никите Ивановичу Одоевскому с товарищи на всякие расправные дела написать Судебник и Уложенную книгу, чтобы впредь по той уложенной книге всякия дела делать и вершить без всякого переводу и безволокитно. А для того государева и земского дела Государь указал взять к Москве изо всех городов дворян и посадских людей добрых, чтобы государевы дела, по его государеву указу и по Уложению, были ничем нерушимы».

Любопытно, что с просьбой о создании «уложенной судебной книги» дворяне русских городов выступали еще в период правления Михаила Федоровича — данная просьба выражалась в одной из че-

¹ О присутствии на Земском соборе 1648–1649 гг. выборных от иноземцев см.: Зерцалов А. Н. Новые данные о земском соборе 1648–1649 гг. // Чтения Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском университете. 1887. Кн. 3. С. 7.

² Смирнов П. П. Несколько документов из истории Соборного Уложения и Земского Собора 1648–1649 гг. С. 6.

³ См.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. 1836. Т. IV. № 27.

лобитных царю, поданных в 1637 году¹. В 1648 году главными инициаторами составления Соборного уложения стали члены Земского собора, избранные городами. По словам историка В. И. Сергеевича, «этот вывод, на первый взгляд, может показаться маловероятным, но он совершенно согласен с московским порядком вещей. Неудобства, проистекающие от неопределенности закона, его неполноты, непоследовательности, неясности, должны были чувствоваться выборными людьми гораздо сильнее, чем боярами, окольными, думными людьми и другими приближенными к Государю лицами, которым недалеко было идти для разрешения всех возбуждаемых законом сомнений. Для городских же людей это разрешение являлось в форме московской волокиты, которая была для них пуще татарского погрома. Понятно, для них вопрос о приведении законов в порядок был самым настоятельным, тогда как для бояр, окольных и других сильных людей всякая неясность закона в то темное время могла быть даже полезна. Уложение 1649 г. действительно отменяет некоторые установившиеся в XVII в. помимо государевых указов порядки, выгодные сильным людям и невыгодные казне и людям мелким»².

Сформированная по царскому указу от 16 июля 1648 года комиссия из пяти человек: двух бояр (князей Никиты Ивановича Одоевского и Семена Васильевича Прозоровского), окольного (князя Федора Федоровича Волконского) и двух дьяков (Гаврилы Левонтьева и Федора Грибоедова) — немедленно приступила к работе по составлению проекта Уложения. В качестве источников правовых норм ими были использованы в соответствии с вышеназванным государевым указом: 1) «Правила Святых Апостолов и Святых Отцов»³, 2) «градские законы греческих царей»⁴, 3) «старые судебники прежних великих государей», то есть Судебники 1497 и 1550 годов, 4) Указы царя Михаила Федоровича и боярские приговоры. Кроме того, две статьи

¹ См.: *Смирнов П. П.* Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в. М., 1915. С. 41.

² *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. С. 158–159.

³ Данные «правила» находились в составе Кормчей книги.

⁴ Под «градскими законами греческих царей» подразумевались тогда юридические сборники, созданные при византийском императоре Юстиниане, Эклога, составленная по приказу византийских императоров Льва и Константина, Прохирон императора Василия Македонянина.

составители Соборного уложения заимствовали из Стоглава¹ (ст. 10 главы XIV и ст. 6 главы XXII) и шестьдесят шесть (!) статей — из Статута Великого княжества Литовского 1588 г.

Указ царя Алексея Михайловича от 16 июля 1648 года предполагал, что составители Соборного уложения напишут в дополнение к статьям старых судебников и указов прежних государей некоторые новые статьи. Таких статей в тексте рассматриваемого правового памятника оказалось несколько десятков. Многие из них были сформулированы на основе челобитных выборных людей. Так, из сорока статей главы XIX Соборного уложения «О посадских людех» семнадцать (1, 2, 5–18, 39)² происходили из этого источника³.

Работа по сбору, сверке и систематизации огромного по тем временам правового материала была совершена менее чем за три месяца. Уже 3 октября 1649 года⁴ началось слушание его содержания в созванном для этого случая Земском соборе. В преамбуле к основному тексту Соборного уложения данное событие описывается следующими словами: «И в нынешнем во 157-м году октября с третьего числа государь царь и велики князь Алексей Михайлович всея Руси самодержец со отцем своим и з богомольцем святейшим Иосифом, патриархом Московским и всея Руси, и с митрополиты, и со архиепископы, и с епископом, такъже и с своими государевыми бояры, и с околничими, и з думными людьми того собранья слушал, и выборным людем, которые к тому общему совету выбраны на Москве и из городов чтено, чтобы то все Уложение впредь было прочно и неподвижно».

После завершения чтений текста Соборного уложения он был по распоряжению государя написан на свитке, который все члены Зем-

¹ Московский церковный собор, проходивший в декабре 1666 – январе 1667 г., признал постановления Стоглавого собора (и соответственно положения Стоглава) не соответствующими богословской системе и обрядовой практике Греко-православной церкви.

² См.: Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 99–103.

³ Еще одним примером влияния челобитных на правотворческую деятельность царя Алексея Михайловича служит его указ 1649 г. о дозволении английским купцам приезжать для торгога только в Архангельск и запрете им въезжать в другие русские города. Этот указ был издан в ответ на целую серию челобитных, поданных государю русскими торговыми людьми в 1646 г. (см. об этом: *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. С. 160).

⁴ Новый год начинался в то время с 1 сентября.

ского собора, присутствовавшие на этих чтениях, скрепили своими подписями. Затем царь Алексей Михайлович приказал переписать все содержание Соборного уложения в книгу и закрепить ее подписями дьяков Гаврилы Леонтьева и Федора Грибоедова. Вся эта работа была завершена 29 января 1649 года, о чем свидетельствует запись, сделанная в конце данного правового памятника. «Совершена сия книга, — говорится в ней, — повелением великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всея Руси самодержца в третье лето богом хранимая его державы и при сыне его государеве благоверном царевиче и великом князе Дмитриии Алексеевиче, в первое лето рожения его лета 7157-го генваря в 29 день»¹.

В исторической литературе высказывается иногда мнение, что 29 января 1649 года Соборное уложение было *утверждено* и *подписано* членами Земского собора. «В конце Уложения, в показанном месте, содержится сведение, — отмечает, например, С. В. Пахман, — что Уложение утверждено и подписано 1649 г. января в 29 день»². На самом деле содержание последних строк Соборного уложения не дает основания для такого высказывания. Здесь констатируется лишь то, что «*совершена сия книга... лета 7157-го генваря в 29 день*». И данные слова употреблены здесь совсем не случайно.

Содержание заключительной части преамбулы к основному тексту Соборного уложения показывает, что никакого обсуждения его норм на Земском соборе и специального акта утверждения, отдельного от скрепления списка Уложения подписями членов Собора, — посредством голосования или каким-либо другим способом — не было. Текст уложения читался по отдельности двум палатам Земского собора, из которых высшую составляли царь, представители высшего духовенства, государевы бояре, окольничие и думные люди, а низшую — выборные из городов. Вторая палата в преамбуле именуется «ответной». При чтении Соборного уложения «в ответной палате по государеву указу сидел боярин князь Юрьи Алексеевич Долгорукой, да с ним выборные люди»³. Судя по всему, по завершении данного чтения всем членам Земского собора, присутствовавшим во время его, было просто предложено начертать свои подписи под тек-

¹ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарий. С. 136.

² Пахман С. В. История кодификации гражданского права / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. С. 210.

³ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарий. С. 18.

стом Соборного уложения на свитке. По всей видимости, именно это скрепление Уложения подписями царь Алексей Михайлович счел актом его утверждения выборными людьми из городов.

Изготовленная рукописная книга с текстом Соборного уложения и с оглавлением к нему («указом главам») стала макетом, с которого по государеву велению «для утверженья на Москве во все приказы и в города» были напечатаны «многие книги». На основании сведений, отраженных в расходной книге Печатного двора, можно сделать вывод о том, что первое печатное издание Соборного уложения было осуществлено в период с 7 апреля по 20 мая 1649 года. Всего напечатали 1200 экземпляров. Государевым указом от 1 июня 1649 года была разрешена продажа их. К 7 августа продали 1100 экземпляров¹. 27 августа 1649 года царь Алексей Михайлович издал указ о печати еще одного тиража Соборного уложения — со слегка исправленным текстом². 1200 экземпляров нового его издания были напечатаны к 21 декабря 1649 года. Они продавались больше года.

Соборное уложение 1649 года стало первым в России юридическим сборником, выпущенным в свет в печатном виде. Уже один этот факт свидетельствует, что им открывается новая эпоха в развитии русской правовой культуры.

Соборное уложение 1649 года значительно превосходило по своему объему общероссийские судебники 1497 и 1550 годов. Вместе с тем его содержание было составлено из правовых норм различного происхождения. Из преамбулы к основному тексту Уложения царя Алексея Михайловича видно, что для его создания предполагалось выполнить следующие действия: 1) «**выписать**» статьи, которые «пристойны» (применимы) «к государственным и к земским делам», из правил святых апостолов и святых отцов и градских законов «греческих царей»; 2) «**собрать**» «прежних великих государей царей и великих князей российских и отца его государева блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Михаила Федоро-

¹ См. об этом: *Мейчик Д. М.* Дополнительные данные к истории Уложения // Сборник Археологического института. СПб., 1880. Кн. 3. С. 116.

² В первом печатном издании Соборного уложения «гости» (купцы) были поставлены ниже «дьяков», в связи с этим царю поступила челобитная от представителей этой социальной группы, в которой дьяки Гаврила Леонтьев и Федор Грибоедов обвинялись в нарушении порядка перечисления чинов. Государевым Указом от 17 августа 1649 г. было повелено писать гостей выше дьяков (см.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 1. № 247. С. 484).

вича вся Русии указы и боярские приговоры»; 3) «справити» (исправить) названные указы и боярские приговоры со старыми судейниками; 4) «написать и изложить» статьи, отсутствовавшие в судебныхниках и боярских приговорах прошлых лет¹.

В действительности же при создании Соборного уложения 1649 года была проделана более масштабная работа, чем та, о которой говорилось в его преамбуле. Огромный правовой материал был не просто сведен в единый юридический сборник — его подвергли определенной группировке и классификации. Весь текст данного правового памятника был разбит на главы, каждая из которых получила свое наименование. Пометы, сделанные на полях рукописного свитка, и само содержание статей Уложения показывают, что его составители черпали правовые нормы из большего количества источников, чем это обозначено в преамбуле. Среди подобных замечаний встречаются, например, такие: «из Моисеева закона»², «из Стоглава»³, «из Литовского [статута]»⁴.

Кроме того, источником Соборного уложения 1649 года стали указанные книги различных приказов, не упомянутые ни в преамбуле к его основному тексту, ни в заметках на его полях. В эти книги записывались по мере их издания царские указы⁵, а также доклады приказов по тем или иным государственным делам, предназначавшиеся для внесения на рассмотрение царя и Боярской думы⁶.

¹ См.: Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 17.

² Помета «из Моисеева закона» стоит в рукописном свитке Соборного уложения 1649 г. рядом с текстом первой статьи первой главы.

³ Помета «из Стоглава» стоит на полях текста статьи шестой главы XXII Соборного уложения 1649 г.

⁴ Помета «из Литовского» (или «из Литовского») стоит против 56 статей рассматриваемого правового памятника. См.: Перечень помет на полях свитка Соборного уложения 1649 г. // Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 445–446.

⁵ Повеление о записи какого-либо царского указа в книге того или иного приказа приводилось нередко в заключительных строках самого указа. См., например, указы 1655 и 1659 гг. в «Полном собрании законов Российской империи» (СПб., 1830. Т. 1. № 169, 247).

⁶ О том, что записывалось, например, в Указную книгу Поместного Приказа, показывает ее название: «Государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всея Русии, и отца его государева, великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всея Русии, указы и боярские приговоры о поместных и о вотчинных землях, о которых указах докладывали государя царя и великого

По мнению К. Д. Кавелина, высказанному в рецензии на вышедшую в 1850 году первую книгу «Архива историко-юридических сведений, относящихся до России», «указные книги представляли по разным частям готовые уложения с подробными указаниями на отмененные и измененные законы, а доклады приказов, еще не внесенные в Думу, заключали в себе новые случаи, не разрешенные законодательным порядком, следовательно, все материалы, нужные для написания новых статей». Кавелин считал, что при составлении Соборного уложения 1649 года «редакционной комиссии оставалось только собрать эти указные книги и заготовленные доклады из разных приказов, выбрать текст законов, сгруппировать статьи, выбранные из старых законов, с текстом новых, которые их дополнили или изменили, наконец, составить, на основании заготовленных докладов, несколько примерных статей, — и главная, существенная часть работы была готова»¹. О том, что материалы указных книг использовались при составлении Соборного уложения 1649 года, свидетельствует одна из записей в Расходной книге Поместного Приказа, датированная 10-м августа 156 (1648) года. Она гласит: «А с указные книги списав государевы указы и боярские приговоры о поместных и о вотчинных землях посланы ис Поместного приказу, по памяти, за дьячьєю приписью, в Приказ к боярам ко князю Никите Ивановичу Одоевскому, да ко князю Семену Васильевичу Прозоровскому, да к околичему ко князю Федору Федоровичу Волконскому, да к дьяком Гаврилу Левонтьеву, да к Федору Грибоедову, для государева и земского великого дела»². В приведенной записи прямо говорится о передаче изложенных в указных книгах указов и боярских приговоров лицам, на которых царем Алексеем Михайловичем была возложена задача составления данного юридического сборника.

Публикуя в своей «Хрестоматии...» указные книги приказов, М. Ф. Владимирский-Буданов писал в предисловии к ее третьему

князя Михаила Феодоровича всея Руси, и отца его государева, великого государя, святейшего патриарха, Филарета Никитича Московского и всея Руси, и которые указы сысканы в переносных делах по памятем, после Московского пожару 34 года, которые государевы указы о поместных же и о вотчинных землях написаны с доклада о розных статьях» (Хрестоматия по истории русского права / Составил М. Ф. Владимирский-Буданов. Вып. 3. М., 1885. С. 187).

¹ Кавелин К. Д. Сочинения. М., 1859. Ч. 3. С. 179–180.

² Расходные книги и столпы Поместного Приказа (1626–1659 гг.). Кн. 1. М., 1910. С. 139.

выпуску, что «в каждом приказе слагалось, соответственно его ведомству, свое специальное уложение»¹. В «Указной книге ведомства казначеев»² историк усматривал «уложение о гражданском процессе и обязательствах», в «Уставной книге Разбойного Приказа»³ — «уложение уголовное», в «Указной книге Холопьяго Приказа»⁴ — «уложение о холопстве и крестьянстве», в «Указной книге Земского Приказа»⁵ — «уложение полицейское и гражданское», в «Указной книге Поместного Приказа»⁶ — «уложение о поместьях и вотчинах»⁷. По словам М. Ф. Владимирского-Буданова, «все эти специальные уложения сложились постепенно, хронологически из отдельных указов и каждое из них составляет так сказать лестницу узаконений, связующую судебник с уложением царя Алексея Михайловича. Но ближайшее отношение они имеют не к судебнику, а к уложению; именно каждая из книг составляет почти буквальный источник соответствующей главы уложения ц[аря] А[лексея] М[ихайловича]. Если бы до нас дошли указные книги судных приказов, то мы имели бы все туземные источники уложения. Сами по себе указные книги важны для истории права тем, что наглядно и подробно рисуют для нас процесс возникновения законов»⁸.

Историк А. Н. Зерцалов, специально исследовавший деятельность Земского собора 1648–1649 годов, отмечал: «Во всех приказах шла усиленная переписка указов и боярских приговоров для Уложенной комиссии, каковые документы и присылались к составителям при памятях. Мы имеем документальные сведения, что в одном из са-

¹ Хрестоматия по истории русского права / Составил М. Ф. Владимирский-Буданов. Вып. 3. М., 1885. С. 1.

² См.: Указная книга ведомства казначеев // Хрестоматия по истории русского права. Вып. 3. С. 1–41.

³ См.: Уставная книга Разбойного Приказа // Хрестоматия по истории русского права. Вып. 3. С. 43–77.

⁴ Указная книга Приказа Холопьяго Суда // Хрестоматия по истории русского права. Вып. 3. С. 86–112.

⁵ Указная книга Земского Приказа // Хрестоматия по истории русского права. Вып. 3. С. 113–186.

⁶ Указная книга Поместного Приказа // Хрестоматия по истории русского права. Вып. 3. С. 187–253. См. также: *Сторожев В. Н.* Указная книга Поместного приказа. М., 1889.

⁷ Хрестоматия по истории русского права. Вып. 3. С. 1.

⁸ Там же. С. I–II.

мых главных приказов, именно Поместном, занимались списыванием копий с разных документов для Уложенной комиссии, а также для приказов разбойного и Сыскных дел 61 человек подьячих; ими написано в 5 месяцев с 16 июля 156 по 16 декабря 157 года 34 стопы, что составит 16 120 листов; каждым подьячим в 5 месяцев было написано по 264 $\frac{1}{4}$ листа; за переписку 991 тетради с книг писцовых, дозорных и переписных Нижегородских и Арзамасских им выдано 20 сентября 157 (1649. — В. Т.) года вознаграждение 38 руб. 22 аль. 2 деньги»¹.

Сопоставление содержания Соборного уложения 1649 г. с текстами указных книг позволяет сделать вывод о том, что нормы главы XII данного правового памятника «О суде патриарших приказных и дворовых всяких людей и крестьян», а также главы XVI «О поместных землях» были заимствованы почти в полном объеме из Указной книги Поместного Приказа²; глава XXI Соборного уложения повторяла соответствующие тексты Уставной книги Разбойного Приказа³; некоторые статьи главы X «О суде» и главы XIV «О крестном целовании» воспроизводили правила, записанные в Указной книге Земского Приказа⁴; источником ряда статей (9, 12, 14, 15, 30, 47, 48, 52 и 64) главы XX Уложения «Суд о холопех» явились записи в Указной книге Приказа Холопьяго Суда, а статья 66 названной главы происходила из боярского приговора 1634 года, записанного в книге приказного стола Разрядного Приказа⁵; по меньшей мере двенадцать статей (21–31, 33) главы XIX Соборного уложения «О посадских людех» имели своим источником Справку Сыскного Приказа, которая представляла собою, по словам историка М. А. Дьяконова,

¹ *Зерцалов А. Н.* Новые данные о Земском соборе 1648–1649 гг. / Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1887. Кн. 3. С. 7.

² Этот факт установил историк В. Н. Сторожев, опубликовавший в 1889 г. все сохранившиеся фрагменты Указной книги Поместного Приказа.

³ На этот факт обратил внимание в своей «Хрестоматии...» М. Ф. Владимирский-Буданов (см.: Хрестоматия по истории русского права. Вып. 3. С. 45).

⁴ М. Ф. Владимирский-Буданов в своей публикации текста Указной книги Земского Приказа специально отметил в примечаниях, какие именно записи из нее стали источником соответствующих норм Соборного уложения (Хрестоматия по истории русского права. Вып. 3. С. 122–180).

⁵ См. об этом: *Гессен О. И.* Источник одной из статей уложения 1649 г. // Проблемы источниковедения. Л., 1940. Кн. 3.

«нечто вроде указной книги»¹. Пятьдесят шесть статей главы XVIII «О печатных пошлинах» были сформулированы на основе записей Указной книги Печатного Приказа². Историк С. Б. Веселовский, исследовавший вопрос о происхождении норм названной главы, писал: «Неизвестно происхождение 31–45 статей, но заимствование их из дел Печатного приказа более чем вероятно, если принять во внимание известную нам компетенцию этого учреждения и его записные книги, сохранившиеся в архиве Министерства юстиции. Одним словом, нам представляется несомненным, что вся XVIII глава взята в Печатном приказе, так же, как XXV глава (о корчмах) взята из указной практики Новой чети»³⁴. По мнению Веселовского, «около 132 (1624 г.) в Челобитном приказе состоялось какое-то “уложение” по гражданскому суду, которое и было сообщено этим приказом другим приказам»⁵. Существует немало оснований полагать, что в 1620–1626 годах в московских приказах шла интенсивная законодательная работа по «обновлению земли», которая являлась своего рода подготовкой к составлению объемного общерусского Уложения. Этот факт может служить, возможно, главным объяснением той удивительной быстроты⁶, с которой была совершена осенью 1648 года работа по составлению Соборного уложения. С. В. Пахман считал, что эта быстрота объясняется, помимо указанного факта, и тем, что «комиссия

¹ Дьяконов М. А. Источники XIX главы Соборного уложения // Исторический архив. 1919. Кн. 1. С. 240.

² Данный вывод был сделан С. Б. Веселовским при сопоставлении содержания главы XVIII Соборного уложения с текстами сохранившихся докладов Печатного Приказа, на основании которых писались указы. Тексты же этих указов не сохранились. Веселовский проанализировал записи в одиннадцати столбцах Печатного Приказа, хранившиеся в московском архиве Министерства юстиции в делах Преображенского приказа, и обнаружил несколько докладов царю Михаилу Федоровичу, сделанных в 132–133 (1624–1625) гг. руководством Печатного Приказа.

³ «Четями» или «четвертями» именовались в России XVI–XVII вв. приказы, ведавшие финансами отдельных административно-территориальных образований и взимающие с податного населения «четвертные доходы», которые шли на выплаты годового жалованья служилым людям высших разрядов.

⁴ Веселовский С. Б. Источники XVIII главы Уложения царя Алексея. М., 1913. С. 36.

⁵ Там же. С. 41.

⁶ Историк Н. П. Загоскин говорил в своей речи «Уложение царя и великого князя Алексея Михайловича и Земский собор 1648–1649 года» (Известия и ученые записки Императорского Казанского Университета. 1880. Январь – февраль. С. 157–234) о «баснословной быстроте» составления Соборного уложения.

имела в пособие опытных дьяков и притом в большом количестве, которые хорошо, без особых справок, знали все важнейшие юридические положения, имевшие силу в том или другом приказе». По его словам, «это, отчасти, подтверждается и тем, что между заметками, которые выставлены на полях подлинного Уложения, в числе источников книги приказов не показаны»¹.

К этому следует добавить, что дьяки, привлеченные к составлению Соборного уложения, отличались не только знанием всех важнейших правил, имевших силу в сфере деятельности того или иного приказа, но обладали развитыми навыками формулирования правовых норм², их группировки и классификации, а также искусством переработки заимствованного материала в духе общественного порядка, существовавшего в России в середине XVII века. Все это позволяло им плодотворно использовать в своей работе самый разнообразный правовой материал.

Способность дьяков искусно приспособить правовые нормы, возникшие в предшествовавшие эпохи и в другом государстве, к условиям русского общества их времени, наиболее ярко проявилась в статьях Соборного уложения 1649 года, сформулированных на основе норм Статута Великого княжества Литовского 1588 года. М. Ф. Владимирский-Буданов, специально исследовавший вопрос о влиянии названного статута на Уложение царя Алексея Михайловича, пришел к выводу о том, что кроме пятидесяти шести статей Уложения, помеченных на полях рукописи данного правового памятника в качестве заимствованных из Литовского статута, в нем было много и других подобных статей. Он указал, в частности, на то, что формула «а будет кто...», с которой начинаются многие статьи Соборного уложения, скорее всего есть не что иное, как перевод формулы «кгды бы хто...», составляющей начало статей в Литовском статуте³.

¹ Пахман С. В. История кодификации гражданского права / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. С. 212.

² «Уложение царя Алексея Михайловича уже представляет значительную степень образования наших юристов, если не в отношении формы (системы), то по крайней мере в обдуманности, точности юридических предметов и ясности их изложения», — отмечал П. Дегай (*Дегай П. Пособия и правила изучения российских законов*. М., 1831. С. 119).

³ См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Отношения между Литовским Статутом и уложением царя Алексея Михайловича // Сборник государственных знаний. Т. 4. СПб., 1877. С. 28.

Характер переработки норм литовского права русскими дьяками выявляется при сопоставлении первой части статьи первой раздела одиннадцатого Статута Великого княжества Литовского 1588 года со статьей сто девяносто восьмой главы десятой Соборного уложения 1649 года.

Статут Великого княжества Литовского 1588 года

Роздель одинадцатый. *О квалтехъ, о боехъ, о головщизнахъ шляхетскихъ.* Артикул 1. *Хто бы на чый домъ або на госпуду умысльне наехалъ, хочечы его забити* (извлечение): «Уставуемъ: хто бы на чый домъ шляхетский не только на самый дворъ, але и на гумно або на дворець, где быдло и иное господарство домовое бываетъ ховано, квалтомъ умысльне наехавшы або нашедъшы, а в томъ дому кого кольвекъ забил и тымъ покой посполитый възрушыль, а то бы на него было слушнымъ доводомъ водлугъ сего статуту переведено, тотъ горло тратить, а не толко самъ, але и помочники такового, хто з нимъ на томъ квалте будетъ, также горъломъ карани будутъ, звлаща, если бы тые помочники от того отпрысегнутися не хотели, яко о томъ ниже в семъ же разделе, артыкуле втором описано естъ. А головщизна водлугъ стану совито зъ имения того квалтовника и тежъ шкоды если бы которые на томъ квалте вчинены детямъ або близскимъ забитого, з навезкою плачоны быти мають».

Соборное уложение 1649 года

Глава X: *О суде.* Статья 198: «А будет кто приедет к кому ни будь на двор насильством, скопом и заговором, умысля воровски, и учинит над тем, к кому он приедет, или над его женою, или над детьми, или над людьми смертное убойство, а същется про то допряма, и того, кто такое смертное убойство учинит, самого казнить смертью же, а товарищев его всех бить кнудом и сослать, куды государь укажет».

О том, что приведенная статья Соборного уложения сформулирована на основе соответствующей статьи в Литовском статуте, свидетельствует помета «из Литовского», сделанная рядом с ее текстом в рукописном свитке русского юридического сборника. В результате переработки нормы Литовского статута составителями Соборно-

го уложения был конкретнее определен объект преступного посягательства: в первом из правовых памятников шла речь об убийстве какого-либо человека («в томъ дому кого кольвекъ забил»), во втором говорилось об убийстве хозяина дома, его жены, или детей, или слуг. Кроме того, были по-новому распределены санкции: в Литовском статуте карались смертью и главный исполнитель, и соучастники преступления, согласно же Соборному уложению, главный исполнитель приговаривался к смертной казни, а соучастники — к битью кнутом и к ссылке. Наконец, и это самое главное: если в Литовском статуте наказывалось преступление, совершенное в шляхетском доме («кто бы на чый домъ шляхетский...»), то в Соборном уложении социальная принадлежность хозяина дома вообще не указывалась.

М. Ф. Владимирский-Буданов писал, что русское Уложение 1649 года «в тех постановлениях, которые оно заимствует, везде уничтожает... сословную окраску; так, артикул 27 раздела XI говорит: О головщинах о хроменью члонков и о навезках *шляхетских*, а 10-я статья XXII главы Уложенья: а будет кто... учинит над кем-нибудь мучительское наругательство. Следующий артикул Статута говорит: кто бы *шляхтича* взял до везенья, а соответствующая статья Уложения: а будет такой поругатель *кого-нибудь* зазвав или силою заволокли к себе на двор...»¹. Исключая из норм, заимствованных из Литовского статута, характеристики сословной принадлежности, составители Соборного уложения 1649 года следовали задаче, которая была поставлена перед ними царем Алексеем Михайловичем по совету с патриархом Московским Иосифом, митрополитами, архиепископами, епископами и со всем освященным собором, а именно: изложить правовые нормы так, **«чтобы Московского государства всяких чинов людям от болшаго и до меншаго чину суд и роправа была во всяких делех всем равна»**².

Многие редакционные нововведения, сделанные составителями Соборного уложения 1649 года в содержании норм, заимствованных из Статута Великого княжества Литовского 1588 года, были обусловлены тем, что в России середины XVII века существовал более развитый судебный процесс по сравнению с тем, на который был рассчитан Статут. В тех случаях, когда в Литовском статуте не ставилось вопро-

¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Отношения между Литовским Статутом и уложением царя Алексея Михайловича. С. 22.

² Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 17.

са о проведении судебного разбирательства, Соборное уложение указывало, например: «На того убойца дати суд, а с суда сыскать».

Наиболее распространенным приемом переработки статей Литовского статута при введении их в содержание Соборного уложения было их разделение на отдельные части. Многие статьи Литовского статута были весьма обширны по своему объему. При этом в одной и той же статье могла идти речь, например, о заговоре или бунте «на здоровье наше государево», об оскорблении государева величия, о фальшивомонетничестве, о собирании войска против государя, об измене. В Соборном уложении каждой из разновидностей преступлений посвящалась, как правило, отдельная статья.

Литовский статут отличался многословностью и цветистостью выражений. Заимствуя из него статьи, составители Соборного уложения сокращали и упрощали их текст. М. Ф. Владимирский-Буданов видел в этом еще одно преимущество русской юридической техники по сравнению с литовской. «Особенное свойство языка Статута, — отмечал он, — это обилие синонимов, ничего не прибавляющих к ясности понятия (это свойство — обще всем законодательным памятникам Литовско-русского государства, чем они обязаны средневековому латинскому языку законов и актам немецким, служившим им образцом). Статут говорит, например, что кто будет *измышлять* и *устанавливать* мыт, тот подлежит такой-то каре. Уложению чужды эти прикрасы языка... Оно с трезвою простотою говорит: кто заведет вновь...»¹.

Несмотря на то, что заимствования из Литовского статута были в тексте Соборного уложения довольно большими по своему объему, практически ни одна заимствованная статья не была оставлена без переработки — причем чаще всего существенной, затрагивавшей не только форму, но и содержание. Переработка литовского правового материала московскими законоискусниками была по-настоящему творческой: в результате ее норм литовского права придавалась большая определенность, конкретность изложения, а зачастую и новый смысл. Работу такого объема и такой сложности невозможно было совершить ни за три, ни за большее количество месяцев. Очевидно, что переработка материала Статута Великого княжества Литовского 1588 года и приспособление его к условиям России долж-

¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Отношения между Литовским Статутом и уложением царя Алексея Михайловича. С. 30.

на была начаться ранее 1648 года. На основании некоторых фактов можно утверждать, что такая работа происходила в России уже в первой трети XVII века. В середине XIX века известный русский историк права и архивист Н. В. Калачов обнаружил и опубликовал выписки из Литовского статута, включавшиеся в первой половине XVII века качестве дополнения в указные книги московских приказов¹. Впоследствии их перепечатал в третьем выпуске своей «Хрестоматии...» М. Ф. Владимирский-Буданов².

В 1916 году И. И. Лаппо опубликовал рукопись перевода Статута Великого княжества Литовского 1588 года, сделанного в Москве в XVII веке³. Историк А. В. Соловьев, откликнувшийся на эту публикацию статьей в «Исторических известиях», высказал предположение, что обнаруженный И. И. Лаппо перевод Литовского статута был сделан в 1645–1648 годах⁴. Сопоставив текст перевода Литовского статута с текстом Соборного уложения, Соловьев пришел к выводу о том, что «во многих статьях» последнего имеются «дословные совпадения с редакцией московского перевода, которые не могли бы явиться при заимствовании из Литовского статута иными путями, помимо данного перевода»⁵. По его подсчетам, в Уложении оказалось не менее шестидесяти статей с такими «совпадениями». Вместе с тем А. В. Соловьев обнаружил в Соборном уложении статьи из Литовского статута, которые являлись более близкими своим содержанием к текстам этих статей в печатном издании его оригинала, нежели к их текстам московского перевода данного правового памятника. Статья же 15 раздела XI Статута Великого княжества Литовского, перешедшая в переработанном виде в статью 17 главы XXII Соборного уложения, вообще отсутствовала, как установил историк, в рукописи перевода Литовского статута, изданной И. И. Лаппо.

¹ См.: Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. СПб., 1855. Кн. 2. Ч. 1.

² См.: Прибавления к Уставной книге Разбойного Приказа. Статьи, заимствованные из Литовского Статута в указные книги приказов (до 1631 г.) // Хрестоматия по истории русского права / Составил М. Ф. Владимирский-Буданов. Вып. 3. М., 1885. С. 78–85.

³ См.: Литовский статут в московском переводе-редакции XVII в. // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 28. СПб., 1916.

⁴ Соловьев А. В. Вновь открытый московский перевод Литовского статута // Исторические известия. 1917. Кн. 1. С. 42–43.

⁵ Там же. С. 39.

Перевод оригинального текста Литовского статута на русский деловой язык, употреблявшийся в середине XVII века в России, вполне мог быть сделан и после создания Соборного уложения. Известно, что в 1662 году царь Алексей Михайлович отдавал распоряжение о переводе «Уложенной книги великого княжества Литовского»¹, хотя никаких точных сведений о том, было ли это царское распоряжение выполнено, не сохранилось.

Не менее двадцати статей Соборного уложения 1649 года происходили из «градцких законов греческих царей»² — византийского юридического сборника, составленного в 70-е годы IX века³, в период совместного правления императоров Василия, Константина и Льва. В современной исторической литературе данный сборник именуется «Прохионом» или «Прохеироном»⁴. Отдельные фрагменты его в ряде случаев неизменно включались с конца IX века в различные номоканоны. Именно в составе этих сводов церковного и светского права нормы Прохиона и пришли первоначально на Русь. Н. В. Калачов считал, что указанные нормы составляли в древнерусском об-

¹ См. об этом: *Черных П. Я.* Язык Уложения 1649 года. Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги. М., 1953. С. 37.

² В свитке Соборного уложения помета «из градцких» стоит против 24 статей. См.: Перечень помет на полях свитка Соборного уложения 1649 г. // Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарий. Л., 1987. С. 445–446. Профессор Н. И. Крылов насчитывал в рассматриваемом правовом памятнике 28 статей из византийского права (см.: *Крылов Н. И.* Об историческом значении римского права в области наук юридических. М., 1838). По мнению Н. Ф. Рождественского, в Соборное уложение 1649 года вошло 39 статей, «слово в слово заимствованных из Прохиона Василия Македонянина» (*Рождественский Н. Ф.* О влиянии Греко-Римского права на Российские гражданские законы // Годишный торжественный акт в Императорском Санктпетербургском университете, бывший 25 марта 1843 года. СПб., 1843. С. 112).

³ В исторической литературе указываются различные даты составления Прохиона. Германский историк К. Э. Цахариэ фон Лингенталь (1812–1894) полагал, что этот правовой памятник был создан «около 879 г.» (*Zachariae K. E.* Geschichte des griechisch-römischen Rechts. Aalen, 1955. S. 22). Русский ученый М. И. Бенеманский весьма убедительно доказывал, что Прохион мог быть составлен только в 876 году. См.: *Бенеманский М. И.* 'О Прохеирос Номос императора Василия Македонянина. («Закона градского главы различны в четиридесятых гранех»). Его происхождение, характеристика и значение в церковном праве. Вып. 1. Сергиев Посад, 1906. С. 45–53.

⁴ См. о различных названиях данного юридического сборника и происхождении его русского наименования «Прохион» в книге: *Бенеманский М. И.* 'О Прохеирос Номос императора Василия Македонянина. С. 33–34.

шестве часть действующего права. «Не могу, кстати, не заметить, — писал он, — что *градский закон* заслуживает нашего особенного внимания, потому что на практике он уже в самую глубокую древность имел у нас юридическую силу: это подтверждается разными памятниками, как духовными, так и светскими, которые во многих случаях весьма ясно показывают, что наши предки основывали на нем свои судебные приговоры»¹.

Сформулированные на основе норм Прохирона статьи Соборного уложения относились, в основном, к сфере уголовного права: в них устанавливались, например, наказания за поджог города или дворов (ст. 4 главы II), за переход к неприятелю во время государевой службы в полках (ст. 20 главы VII), за кражу лошади во время военной службы (ст. 29 той же главы), за убийство матери и отца (ст. 1–2 главы XXII), за подстрекательство к смуте (ст. 13 главы XXII), за убийство женою своего мужа (ст. 14 той же главы). Помета «из градских» стояла и против статьи 16 главы XXII Соборного уложения, в которой говорилось: «А будет кто умысля воровски придет в чей дом и похочет того дому над госпожею какое дурно учинить или ея ис того дому похочет куды увести, а люди ее от такова вора не оборонят и учнут помочь чинить тем людем, кто по нее приедет, а после того про такое их дело сыщется, и тех воров, кто таким умыслом в чужой дом приедет, и которые люди им на такое воровство учинят помочь, всех казнить смертию»².

Статьи 259, 272–273, 275–278 главы X, заимствованные составителями Соборного уложения 1649 года, согласно помете против их текстов, из византийского права, регулировали различные проблемы, возникавшие при исполнении гражданско-правовых договоров: займа, подряда, ссуды, найма и т. д. В статье 15 главы XVII, также имевшей своим источником «градские законы греческих царей», устанавливалось правило, обеспечивавшее в случае смерти отца или матери долю в наследстве глухим и немым детям³.

¹ Калачов Н. В. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. Рассуждение, писанное для получения степени магистра. М., 1846. С. 146.

² Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 130.

³ «А будет после которого умершаго останутся дети глухи и немы, а братья их или сестры учнут обидить их и отцова или матерняя имения учнут их отлучать, и тем умершаго детям имения отца их или матери розделить по жеребьям всем поровну,

Указом царя Алексея Михайловича, изложенным в преамбуле к основному тексту Соборного уложения 1649 года, предписывалось брать «в градских законах греческих царей» только те статьи, которые «пристойны... к государственному и к земским делам». Это означало, что заимствование норм византийского права при составлении данного сборника носило весьма ограниченный характер: в его содержание переносились не все нормы таких правовых памятников Византии, как Эклога или Прохирон, но лишь отдельные из них — те, которые были применимы (пристойны) к условиям русского общества. «Такая рецепция Градских законов в Уложение существенно отличает его от Кормчих, — отмечал М. И. Бенеманский. — В то время, как многое из Градских законов, внесенных в Кормчие полностью, было лишь мертвым, ненужным материалом в русском праве, в Уложение должно было войти из них только то, что пристойно было этому праву, так что, несмотря на множество заимствований в него из иностранных источников, оно осталось, все-таки, вполне национальным кодексом, переработавшим чужой материал по духу старо-московского права, и не сделалось рабскою компиляциею права иноземного»¹.

Прохирон вообрал в свое содержание немало норм обязательственного права, разработанных древнеримскими юристами. Включая эти нормы в содержание Соборного уложения, его составители освобождали их от ряда деталей, которые, вероятно, казались им излишними в условиях русского общества.

Так, в главе 9 титула XVII Прохирина излагалось следующее правило, регулировавшее договорные отношения между заказчиком и мастером по обработке драгоценных камней в случаях, когда заказанной вещи наносится какое-либо повреждение: *«Аще возмет кто камень, да устроит, или провертит, или изделает в нем, и сокрушится: аще убо неумением мудреца, повинен есть. Аще же виною вещи, не повинен есть. Аще ли неведый восприят, рекше, аще обещася не сокрушити, и сокрушит, повинен»*². В Соборном уложении эта норма была изложена в статье 272 главы X в следующей формулировке: *«А будет*

чтобы из них никто изобижен не был» (Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарий. С. 86).

¹ Бенеманский М. И. Закон градский. Значение его в русском праве. М., 1917. С. 196–197.

² Цит. по: там же. С. 215.

кто мастеровой человек возмет у кого узорочные товары камень алмаз, или яхонт, или изумруд, или лал, или иной какой камень для олмаженья, или гранити, или печати резати, и небрежением тот камень розломит или какую ни будь поруху учинит, и в том на него будут челобитчики, и на нем за тот камень взяти цену, чем сторонние люди оценят»¹.

В отличие от приведенной нормы византийского права, в которой речь шла просто о драгоценном камне, в соответствующей ей статье Соборного уложения были указаны конкретные его виды. Однако если в Прохироне, помимо вины мастера, выделялась вина вещи, и при наличии последней мастер ответственности за повреждение драгоценного камня не нес, то в Соборном уложении такого различия не проводилось. Вместо этого говорилось только о «небрежении» мастера при обработке камня, за которую на него возлагалась обязанность уплатить за камень цену, назначенную «сторонними людьми». Таким образом, Соборное уложение воспроизводило норму «градцкого закона» в упрощенном варианте, который, вероятно, составители данного юридического сборника сочли более подходящим к правосознанию русского общества. Подобные упрощения норм византийского права при включении их в текст Соборного уложения 1649 года были особенно характерны для предписаний, регулировавших гражданско-правовые отношения.

Для приспособления же уголовных норм византийского права, включавшихся в текст Соборного уложения, к условиям России часто было достаточно внести в их формулировки лишь некоторые весьма незначительные изменения. Так, статья 4 главы II Соборного уложения была сформулирована на основе правовой нормы, изложенной в главе 18 титула XXXIX Прохирина. При этом составители Уложения ограничились небольшой редакторской правкой текста византийской нормы и добавлением к нему двух новых слов.

Прохирон («Закон градский»)

Титул XXXIX глава 18: «Аще некто ведый, рекше хотением дом зажжет или ворох жита, близ дому лежащ, и обличен быв, огневи предан боудет»².

¹ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 62.

² Цит. по: там же. С. 204.

Соборное уложение 1649 года

Глава II, статья 4: «А будет кто умышлением и изменю город зажжет или дворы, и в то время или после того зажигальщик изыман будет, и сыщется про то его воровство допряма, и его самого зжечь безо всякого милосердия»¹.

Как видим, и в Прохироне, и в Соборном уложении преступлением считался просто поджог домов без учета его последствий, то есть не принималось во внимание, приведет поджог к повреждению имущества или полному его уничтожению. В обоих сборниках субъект данного преступления имел злой умысел (совершал поджог «умышлением» или «ведый, рекше хотением») и должен был подвергнуться одинаковому наказанию — сожжению.

Однако, в отличие от Прохирона, Соборное уложение придавало поджогу характер **измены** и называло в качестве объекта преступного посягательства не просто дома, но и **город**. Соответственно, и наказание — сожжение преступника — должно было осуществляться по Соборному уложению «безо всякого милосердия».

Такая переработка нормы византийского права в полной мере соответствовала условиям русского общества. Поджог домов нередко использовался в России в качестве средства побудить народ к восстанию, и поэтому его вполне можно было отнести к категории государственных. А поскольку городские постройки были в подавляющей своей части деревянными (даже в Москве), то поджог нескольких домов был по существу равнозначен поджогу города в целом. Подобный поджог произошел в Москве в июне 1648 года, то есть незадолго до созыва Земского собора, на котором было принято решение о составлении Уложения. Один из иностранцев, наблюдавших это бедствие, писал впоследствии в своих мемуарах: «Вдруг после обеда в пяти различных местах города вспыхнул страшный пожар, который в течение 13 или 14 часов половину Москвы обратил в груды пепла. Во время пожара, как насчитывают некоторые, сгорело 10 000 домов. Если же считать и те дома, которые во многих и различных дворах были огнем превращены во развалины, то всего-на-все погибло пятнадцать тысяч домов; в иных из этих домов сгорело десять человек, в других двенадцать, а в некоторых и более; в числе сгорев-

¹ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 20.

ших отцы, матери, дети, слуги. Число людей, погибших от огня, простирается приблизительно до 1700»¹.

В исторической литературе, посвященной Соборному уложению 1649 года, часто высказывается мнение о том, что выраженный в этом правовом памятнике формальный взгляд на сущность преступления, то есть понимание преступления не только как действия, причиняющего кому-то какой-либо материальный вред, но и в качестве простого нарушения царского указа², появился под влиянием византийских правовых концепций и в особенности представления о преступлении, характерного для Прохирона. Подобным же образом влиянию византийского права приписывается и утверждение в Соборном уложении воззрения на наказание как на средство устрашения.

Данное мнение проводится, например, в книге М. И. Бенеманского «Закон градский. Значение его в русском праве». Здесь пишется, в частности, следующее: «В то время, как Прохирон в 39-ом своем титуле проводит чисто формальный взгляд на преступление: всякое нарушение закона есть преступление, большинство памятников русского законодательства за предшествующие периоды выражает главным образом материальный взгляд на него: преступно только то действие, которое причиняет кому-либо внешний материальный вред. Отсюда происходила громадная разница и между наказаниями за преступления по Прохирону и по памятникам русского законодательства. Первый налагает наказания и за такие действия, которые не причиняют никакого материального вреда, последние же такие действия оставляют без последствий, в большинстве случаев они не преследуют преступника и не подвергают его никакому наказанию, если на него не было жалобы со стороны потерпевшего лица. И, наоборот, первый оставляет без наказания и преступные действия,

¹ Московский бунт 1648 года // Исторический вестник. 1880. Кн. 1. С. 71–72.

² См., например, статью 9 главы I Соборного уложения: «А будет кто, забыв страх божий и презрев царское повеление, учнет ему государю, или патриарху, или иным властям в церкви божии во время церковного пения о каких своих делах бити челом, и того челобитчика за то вкинуть в тюрьму, на сколько государь укажет» (Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 20). В этой статье преступлением прямо объявляется нарушение царского повеления, хотя при этом и подразумевается, что челобитье во время церковного пения преступно, в конечном счете, потому, что может вызвать «смятение». О запрете бить челом в церкви во время церковного пения, дабы «смятения не было», говорится в предыдущей, восьмой статье указанной главы Соборного уложения.

если они не явились последствием злых умыслов их совершителей, последние же налагают наказания и за такие действия, в которых хотя и участвовала злая воля их совершителей, но ими был причинен кому-либо материальный вред. Уложение в этом случае вполне разделяет взгляд Прохирона. Равным образом и самый род наказаний, утвержденных Уложением, вполне одинаков с родом наказаний, принятых в Прохироне. Столь развитая в древнем русском праве система денежных пеней и выкупов уступает в нем место смертной казни, различного рода членовредительствам и ссылке. Наконец, самая цель наказаний по Уложению одинакова с целью их по Прохиرونу, это — устрашение»¹.

Восприятием византийских правовых концепций объяснял появление в Соборном уложении большого числа жестоких, призванных внушать страх уголовных наказаний также историк русского права А. Н. Филиппов. «Современная историко-юридическая критика первоисточников С. Уложения, — отмечал он, — неоспоримо доказала, что громадная доля ответственности за “кровожадность” должна пасть на светское византийское право»².

По сравнению с судебниками 1497 и 1550 годов и тем более с Русской Правдой Соборное уложение 1649 года действительно показывает беспрецедентную жестокость уголовных наказаний. Причем эта жестокость представляется здесь в качестве неотъемлемого свойства наказания. «Да будет сыщется кто на кого возмет какую крепость нарядным делом по неволе, и таким людем, кто такие крепости учнет имати по неволе, чинити *жестокое* наказанье, бить их кнутом *нещадно* при многих людех, чтобы им и иным таким впредь неповадно было так воровать»³, — говорится в статье 251 главы X Соборного уложения. Точно такое же наказание предусматривается и статье 55 главы XXI данного сборника: «А будет в сыску скажут, что того приводного человека исцы ополчили силно, и тем людем, которые его ополчили силно, за то учинить *жестокое* наказание, при многих людех бить их кнутом *нещадно*, да на них же тем людем, кого они ополчили силно, править бесчестье вдвое, чтобы на то смотря и иным неповадно было так делать»⁴. Подобных статей много в Со-

¹ Бенеманский М. И. Закон градский. Значение его в русском праве. С. 200–201.

² Филиппов А. Н. История русского права. Ч. 1. Вып. 3. Юрьев, 1906. С. 24.

³ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 60.

⁴ Там же. С. 123.

борном уложении 1649 года — этот юридический сборник вполне заслуживает определения «кровожадный». Однако вряд ли правильным будет связывать многочисленность жестоких наказаний в нем с восприятием его составителями уголовно-правовых воззрений византийских правоведов.

Влияние византийских правовых концепций вполне могло сыграть определенную роль в утверждении в Соборном уложении формального взгляда на преступление и представления об уголовном наказании как средстве устрашения. Но эта роль была скорее побочной — стимулирующей, нежели решающей. Византийские сборники норм церковного и светского права, в которых выражались указанные представления о сущности преступления и наказания, были известны на Руси еще во времена Русской Правды. Но тем не менее ни Русская Правда, ни создававшиеся в последующие эпохи судные грамоты и судебники не воспринимали этих представлений. По словам В. И. Сергеевича, «формальный взгляд на преступление нашел свое выражение сначала только в церковных уставах Владимира св. и Ярослава. В уставе Владимира запрещаются многие деяния только потому, что они не допускаются церковными законами, напр., моление у воды, волшебство и проч. Преступлением считалось отправление обрядов языческого богослужения. Эти обряды не причиняли, конечно, никому материального вреда, но исполнение их воспрещалось и наказывалось потому, что они были не согласны с учением церкви»¹.

Формальный взгляд на преступление утвердился в русской юриспруденции во второй половине XVI — в первые десятилетия XVII века — еще до издания Соборного уложения 1649 года. «В Судебниках, — писал по этому поводу В. И. Сергеевич, — еще заметен материальный взгляд; преступление носит наименование “лихого дела”. Судебники говорят: татьба, душегубство и иное лихое дело. В этом слышится указание на материальный вред. Преступники носят наименование “лихих людей”, в этом опять проглядывает материальная точка зрения. Но в позднейших памятниках взгляд на преступление получает чисто формальный характер; под преступлением начинают понимать “непослушание царской воле”, нарушение предписаний власти. В воеводских наказах, после перечисления запрещенных деяний, о преступниках говорится: “А за их *непослушание*

¹ Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. С. 257.

чинить им жестокое наказание, чтобы, смотря на то, другим послушаться не повадно было»¹.

Утверждение в русском правосознании и светском законодательстве формального взгляда на преступление отвечало потребностям развивавшейся русской государственности, и оно произошло бы в указанный период даже в том случае, если бы византийские уголовно-правовые концепции не имели в России никакого влияния. Опыт правовой истории западно-европейских стран показывает, что понимание преступления в качестве нарушения предписаний государственной власти начинает неизбежно преобладать в действующем законодательстве в эпоху становления бюрократического государства — так называемой «абсолютной монархии». Одновременно с этим более жестокими становятся и наказания, которым сознательно придается преимущественно устрашающее значение.

В течение второй половины XVI — первой половины XVII веков в России развивался аппарат государственного управления: возрастали количество приказов и численность приказных людей. События «Смуты» начала XVII века прервали данный процесс на некоторое время, но после избрания царем Михаила Федоровича Романова он возобновился и стал проходить более быстрыми темпами². Историк Н. Ф. Демидова отмечает в своей книге, посвященной развитию управленческого аппарата в России в XVII веке, что в указанную эпоху «эволюция государственного аппарата в области системы учреждений шла в направлении совершенствования приказной системы сверху донизу, вытеснения разнохарактерных учреждений сословного плана государственными бюрократическими учреждениями; в области же обслуживающего их штата — по пути количественного роста группы населения, единственным занятием которого была государственная служба»³. По словам Демидовой, «первая половина XVII в. — время расцвета приказной системы и постепенного внедрения ее во все отрасли управления»⁴. Все эти процессы нашли свое отражение в тексте Соборного уложения 1649 года — в особенности,

¹ Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. С. 257–258.

² См. об этом: Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 21.

³ Там же. С. 17.

⁴ Там же. С. 21.

в содержании его десятой главы, в которой изложены нормы, регулирующие осуществление правосудия. Дьяки, подьячие и «всякие приказные люди» выступают в статьях этой главы главными действующими лицами «суда государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси»¹. О возрастании к середине XVII века роли служилых людей в осуществлении государственной власти в России свидетельствует и описание русской государственности в трактате Г. К. Котошихина (около 1630–1667) «О России в царствование Алексея Михайловича». Вторая глава указанного произведения специально посвящена различным категориям людей, о чем свидетельствует ее название «О царских чиновных людех: о боярех и околничих, и думных, и ближних людех, о столниках, о стряпчих, о дворянх, о полковниках и головах стрелецких, о диаках, о жилцех и о всяких служилых и дворовых людех»². В седьмой же главе под названием «О приказах» рассказывается о составе различных приказов и сфере деятельности каждого из них³.

Ужесточения уголовных наказаний, придания им устрашающего характера требовала и сама политическая обстановка, существовавшая в сороковые годы XVII века в России. Это было время народных бунтов⁴. В год 1648-й — предшествовавший принятию Соборного уложения, — народные бунты произошли в Москве, Устюге, Козлове, Сольвычегодске, Томске и других русских городах. Самым опасным для верховной государственной власти городским восстанием был московский мятеж, случившийся в 20-х числах июня 1648 года. Для того чтобы успокоить мятежных горожан, царю Алексею Михайловичу пришлось пойти на уступки — и в частности, дать разрешение на казнь некоторых своих вельмож, имевших в народе дурную репутацию⁵. Немецкий ученый Адам Олеарий (1599–1671), описавший

¹ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 31–64.

² См.: *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича / Подготовка публикации, вводная статья, комментарии и словник Г. А. Леонтьевой. М., 2000. С. 44–56.

³ См.: там же. С. 107–147.

⁴ Историк Ключевский все XVII столетие называл «эпохой народных мятежей в нашей истории» (см.: *Ключевский В. О.* Сочинения в 9-ти томах. Т. 3: Курс русской истории. Ч. 3. М., 1988. С. 225).

⁵ См. об этих событиях: *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 380–388; Московский бунт 1648 года // Исторический вестник. 1880. Кн. 1. С. 69–73.

в своих записках о Московии события этого опасного для русского царя и его двора мятежа, сделал следующий вывод из них: «Такой опасности в то время подвергалось счастье как молодого правителя, так и подданных его ввиду того, что несправедливым и своекорыстным чиновникам дана была воля. И вот, следовательно, каков, во всем рабстве, нрав русских, когда их сильно притесняют»¹.

Идея составления Соборного уложения возникла во многом под влиянием городских восстаний. На это указывал, в частности, в своих «Лекциях по славянскому праву (*Lectures on Slavonic Laws*)»² профессор Императорского Варшавского университета Ф. Ф. Зигель. Он считал, что мятежи в Москве, Пскове и Новгороде, происходившие в 40-х годах XVII века, порождались помимо прочего также «неопределенностью юридической основы русского общества». Эта неопределенность была вызвана, по его мнению, в значительной мере уничтожением в пожаре 1626 года свитков с текстами законодательных актов, которыми регулировалась деятельность служилых людей³. И созданием нового юридического сборника старались данную неопределенность устранить.

В то время, когда шли работы над Соборным уложением, события московского мятежа 1648 года и в особенности жестокие расправы над вельможами не могли еще стереться из памяти его составителей. Появление в содержании правовых норм Соборного уложения жестоких санкций, устрашающих по своей цели наказаний было в этих условиях вполне закономерным.

Анализ содержания Соборного уложения 1649 года показывает, что в него вошли правовые нормы, происходившие из многих источников: 1) из судебных книг 1497 и 1550 годов, 2) из царских указов и боярских приговоров, записанных в указных книгах различных

¹ Олсариий А. Описание путешествия в Московию. С. 388.

² Эти лекции были напечатаны в 1902 г. на английском языке в Лондоне и Нью-Йорке. См.: *Sigel F. Lectures on Slavonic Law. Being the Ilchester lectures for the year 1900. London, New York, 1902.*

³ «The fire of 1626 destroyed all the laws concerning the domains of the crown, which were given to the serving classes for their use. This uncertainty of the legal bases of society produced arbitrariness and vexations on both sides, and called forth revolts in Moscow, Pskov, and Novgorod. Therefore the tsar, lords, and clergy decided in 1648 to bring all the laws into mutual agreement, to add to them new enactments, to unite them into one code, and to summon a council of the realm for their examination and sanction» (*Sigel F. Lectures on Slavonic Law. P. 43*).

приказов, 3) из Статута Великого княжества Литовского 1588 года, 4) из византийского сборника под названием «Прохирон», составленного в 70-е годы IX века, 5) из Стоглава и др. Кроме того, значительная часть новых правовых норм была сформулирована составителями Уложения на основе требований, которые были изложены в челобитных представителей различных групп населения¹, избранных в августе 1648 года в состав Земского собора². Перед комиссией, которой было поручено царем Алексеем Михайловичем разработать проект Соборного уложения, стояла весьма сложная задача: свести воедино массу различных по своему происхождению правовых норм, приспособить содержание этих норм к условиям русского общества середины XVII века, расположить их в определенном порядке по главам. И с этой задачей комиссия успешно справилась.

Соборное уложение вобрало в себя прошедшие проверку временем нормы русского права, воплотило в своем содержании многовековой опыт русской юриспруденции. Нормы, заимствованные его составителями из иностранных источников, были отредактированы таким образом, что стали выражать правовые воззрения, характерные именно для русского общества. Текст Соборного уложения был написан языком, понятным для основной массы населения России³. Новая юридическая терминология, использованная в изложении его правовых норм, базировалась, как и терминология всех предшествовавших ему сборников русского права, на бытовых терминах это-

¹ Перечень групп населения, от которых избирались представители в состав Земского собора в 1648 г., был дан мною в первой из статей, посвященных развитию русской юриспруденции в XVII столетии. См.: Законодательство. 2005. № 8. С. 88–89.

² См. подробнее о Земском соборе 1648–1649 гг. и о влиянии челобитных избранных в его состав лиц на правотворчество комиссии, создававшей проект Уложения: Уложение царя и великого князя Алексея Михайловича и Земский собор 1648–1649 года. Речь, произнесенная в торжественном годичном собрании Императорского Казанского Университета, 5-го ноября 1879 г. доцентом Университета, доктором государственного права Н. П. Загоскиным // Известия и ученые записки Императорского Казанского Университета. 1880. Январь–февраль. С. 157–234.

³ «Слог Уложения блаженныя памяти царя Алексея Михайловича по большей части ясен, прост и краток; с удовольствием слушаешь, где бывают из оногo выписи; никто не ошибется в разумении того, что слышит; слова в нем внятны и самому непосредственному уму» — такими словами императрица Екатерина II характеризовала язык Соборного уложения 1649 г. в своем «Наказе» комиссии о сочинении проекта нового уложения (Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения / Под редакцией Н. Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 124).

го языка. Соборное уложение стало и по содержанию его правовых норм, и по приемам юридической техники, и по сущности выраженных в его тексте правовых идей самым значительным памятником русской правовой культуры средневековой эпохи. Ф. Л. Морошкин, обращая внимание на глубоко национальный дух Соборного уложения, называл его **«историческим первообразом русского законодательного ума, русского гражданского быта и юридическо-го слова»**¹. «Уложение родословно как Москва, патриархально как Русский народ и грозно как царский гнев, — отмечал он. — Судьбы Отечества отпечатались в нем всеми юридическими понятиями, народная жизнь всеми заветными мыслями и наклонностями»². Подтверждение данной оценки Соборного уложения можно найти едва ли не в каждой из его глав.

Так, вторая глава, посвященная государственным преступлениям, является, по моему мнению, наиболее яркой иллюстрацией того влияния, которое оказало на содержание норм Соборного уложения судьба России. Как известно, судебники XV–XVI веков не выделяли государственных преступлений в особую категорию правонарушений. В Судебнике 1497 года лицо, совершившее преступление против государства, — «кормолник» — упоминалось в одной статье (8-й) с убийцей своего господина («государским убийцей»), лицами, совершившими кражу церковного имущества («церковным татем») или похитившими людей («головным татем»), подстрекателем к бунту («подымщиком»), поджигателем («зажигальщиком»)³. Все они подлежали смертной казни. Подобным же образом обстоит дело и в Судебнике 1550 года (ст. 61). Правда, здесь в числе лиц, совершивших преступление против государства, назывался, помимо «кормолника», «градский здавец» — лицо, сдавшее город врагу⁴. В Со-

¹ Об Уложении и последующем его развитии. Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Московского Университета ординарным профессором, доктором прав Федором Морошкиным июня 10 дня 1839 года. М., 1839. С. 7.

² Там же.

³ «А государскому убийце и кормолнику, церковному татю, и головному, и подымщику, и зажигалнику, ведомому лихому человеку живота не дати, казнити его смертною казнью» (Судебник 1497 года // Российское законодательство X–XX веков. Том 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 55).

⁴ «А государскому убийце, и градскому здавцу, и кормолнику, и церковному татю, и головному татю, и подметчику, и зажигалнику, ведомому лихому человеку, живота

борном уложении государственные преступления были обособлены в отдельную категорию. Вторая глава, в которой излагались правовые нормы, посвященные данной разновидности преступлений, состояла из 22 статей и носила соответствующее название — «О государьской чести и как его государьское здоровье оберегать». В первой из статей говорилось о наказании лица, замыслившего посягнуть на здоровье (жизнь) государя, во второй — о наказании того, кто замыслил занять государев трон и предпринимал для исполнения этого замысла какие-либо действия (собирал войско, вступал в сношения с врагами царского величества и т. д.), в третьей устанавливалась кара за сдачу города изменою государеву врагу, в четвертой — кара за умышленный и изменнический поджог города или дворов. В рассматриваемом правовом памятнике ничего не говорилось о преступлении, состоявшем в оскорблении государя словом, но на практике такие действия жестоко наказывались.

В качестве главного наказания за совершение государственных преступлений Соборное уложение предписало смертную казнь. Однако оно не ограничилось этой мерой. В пятой статье второй главы Уложения была предусмотрена в дополнение к смертной казни конфискация в пользу государя поместий и вотчин государственных изменников. Шестая же статья установила, если жены и дети таких изменников знали про их измену, то и они должны были подлежать смертной казни¹. Девятая статья предписывала «казнить смертию же» также отца, мать, братьев родных и неродных, дядей и других родственников изменника в случае, когда они проживали вместе с ним, имели общие вотчины и знали о том, что он готовит измену. Их вотчины, поместья и все остальное имущество подлежали при этом конфискации в пользу государя².

не дати, казнити ево смертноу казнью» (Судебник 1550 года // Российское законодательство X–XX веков. Том 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 108.

¹ «А жены будет и дети таких изменников про ту их измену ведали, и их по тому же казнить смертию» (Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 20).

² «А будет кто изменит, а после его в Московском государьстве останутся отец, или мать, или братья родные, или неродные, или дядья, или иной кто его роду, а жил он с ними вместе, и животы и вотчины у них были вопче, и про такова изменника сыскивати всякими сыски накрепко, отец и мати и род его про ту его измену ведали. Да будет сыщется допряма, что они про измену того изменника ведали, и их

Статья 38 главы XVII Соборного уложения устанавливала правило, по которому если кто-либо свою вотчину кому-то продавал или закладывал и купчую или закладную кабалу записывал на ту вотчину в книги, и после этого совершал измену — отъезжал из Московского государства в другую страну, то лицо, купившее данную вотчину у изменника до его измены, могло владеть ею без выкупа, род же изменника лишался в этом случае вотчины¹. Правовед Ф. В. Тарановский в своем комментарии на указанную статью особо подчеркивал, что, «признавая права третьего лица, государственная власть совершенно не признает интересов ни в чем не повинного рода изменника, и чтобы наказать весь род, не задумываясь, награждает случайное третье лицо, придав совершенной им сделке бесповоротность, которой бы она по закону не имела, если бы контрагент не изменил. Из приведенного примера видно, как под влиянием борьбы с изменой рушились все признанные гражданско-правовые принципы. Так обстояло дело в самом законе. Еще хуже оказывалось оно на практике»².

Соборное уложение 1649 года освобождало от ответственности жен, детей и других родственников государственного изменника в том случае, если они ничего не знали о подготовке им измены. Однако принцип индивидуальной ответственности за это преступление проводился в данном правовом памятнике не слишком настойчиво. Он не подкреплялся принципом презумпции невиновности. Неосведомленность родственников изменника о его изменнических действиях еще должна была доказываться, причем прямыми доказательствами. Но даже если она доказывалась, вотчины и поместья, которыми прежде семьи изменников владели, все равно у них забирались в государеву казну. Им же оставалась только жизнь и некоторое имущество для обеспечения сносного существования. «А будет которая жена про измену мужа своего или дети про измену же отца

казнить смертию же, и вотчины и поместья их и животы взятии на государя» (Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 20).

¹ «А будет кто кому вотчину продаст или заложит и просрочит, и купчую или закладную кабалу на тое вотчину в книги запишет, и после того изменит, из Московского государства отъедет в иную землю, и тому, кто у него ту вотчину купит, владеть тою вотчиною без выкупа, потому что он у того изменника ту вотчину купил до его измены, а роду того изменника той вотчины на выкуп не отдавать» (Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 89).

² Тарановский Ф. В. Элементы основных законов в Уложении царя Алексея Михайловича // Тарановский Ф. В. История русского права / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. С. 145–146.

своего не ведали, — говорилось в седьмой статье Соборного уложения, — и сыщется про то допряма, что они тое измены не ведали, и их за то не казнить, и никакова наказания им не чинить, а на прожиток из вотчин и ис поместей им, что государь пожалует»¹. У других же родственников изменника — отца с матерью, братьев, дядей и т. д. — в случае, если доказывалась их неосведомленность о подготовке им измены, согласно десятой статье второй главы Уложения, ни вотчин, ни поместий, ни иного какого-либо имущества не отнималось².

Статут Великого княжества Литовского 1588 года также предполагал в аналогичных ситуациях знание родственников изменника о подготовке им измены и требовал, чтобы их неведение доказывалась. Но, в отличие от Соборного уложения 1649 года, названный Статут предписывал доказывать свое незнание о подготовке измены не всем детям, а только взрослым сыновьям изменника. Супруга же его могла очистить себя от подозрений в том, что она знала о намечавшейся измене, одной присягой. В артикуле третьем раздела первого Статута 1588 года говорилось на сей счет следующее: «А сынове такового зрайцы дорослые, и которые бы теж за доводом слушным оказались быть ведомыми тое здрады отцовъское, также честь и горло тратити мають. А тые сынове, которые бы не были лѣтъ зупольных дорослых, або другие, и дорослыми будучы, а тое здрады отцовское не были бы вѣдоми, таковыя чести ани горьла не будуть тратити, однакъ же и таковыя недорослые и дорослые а здрады неведомые сынове за таковой выступъ отца своего от всихъ именей отчизныхъ, выслужоных и которымъ колвекъ обычаемъ набытых вѣчне отпасти мают. Але вси имен[ь]я здрайцы такого мимо детей и близкихъ на речъ посполитую и на насъ, г[о]с[по]д[а]ра, ку столу нашему великому князству припадати будуть. А жоны таковых здрадец, которые не будут ли ведали тое здрады мужов своихъ, а с того ся выведуть присегами своими, таковыя именей своих отчистыхъ и материстых и вена, передъ учинкомъ тое здрады имъ от мужей их описаного, не тратят». Согласно артикулу седьмому первого раздела Статута присягой могли очиститься от указанных подозрений и те сыновья изменника, которые жили отдельно от него («А ведь же который бы

¹ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 20.

² «А будет про них сыщется допряма, что они про измену того изменника не ведали, и их смертию не казнити, и поместья и вотчины и животов у них не отимать» (там же).

сынъ был дельный от отца своего и первой тое части своею в держанью был, ни жили утечеть отец его, и мешкаль бы на томъ кромъ отца не въ одном мѣстцу и не въ одномъ дому, а тое здрады и учинку отца своего не ведалъ и не был бы подозренный и вывелся того присегою своею, тогда таковые сынове и дочки от почтливости своею, именей отчизных и материстых не отъпадываютъ»). Все остальные родственники лица, совершившего государственную измену, не привлекались Статутом Великого княжества Литовского к какой-либо ответственности. Таким образом, Соборное уложение, принятое спустя шестьдесят лет после Статута, относилось к государственной измене более сурово, чем он.

Согласно статье 59 главы XVI Соборного уложения, на основании одного доноса и без судебного разбирательства нельзя было отнять ни вотчины, ни поместья. «А которые челобитчики учнут государю бить челом на кого о выгнанных вотчинах или утаенных поместьях, и по их челобитью в таких делах доведется им давать очные ставки», — говорилось в данной статье. Статья 17 главы XVII регулировала другой подобный случай, когда предпринимается попытка отнять у кого-либо посредством доноса пожалованную ему вотчину. И в ней также устанавливалось правило, по которому лишить человека имущества можно было только по решению суда и после проведения тщательного судебного расследования обстоятельств дела. «А которым людям, — гласила данная статья, — вотчины даны по сыску за московское осадное сиденье, а челобитчики учнут на тех людей бити челом, что они в осаде не были, и в осадном списке имен их не написано, и против того челобитья про тех людей, за которыми такие вотчины, сыскивать накрепко, и с теми людьми, кто на них станет бити челом, ставить с очей на очи. Да будет по сыску кто в осаде не сидел, а взял вотчину ложно, и у тех те вотчины отымать и в роздачу раздавать. А за очи и не сыскав допряма, тех вотчин у них не отымать»¹.

Установление судом ложности доноса в приведенных случаях автоматически влекло за собой судебное решение в пользу того, на кого он был сделан. Однако иное последствие наступало в ситуации, когда не находил подтверждения донос о совершении государственной измены. Двенадцатая статья второй главы Соборного уложения предписывала относительно этой ситуации следующее: «А будет кто на кого учнет извещати великое государево дело, а свидетелей на тот

¹ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 86.

свой навет никого не поставит и ничим не уличит, и сыскать про такое государево великое дело будет нечим, и про такое великое дело указ учинить по рассмотрению, как государь укажет»¹. Отсутствие подтверждения доносу о преступлении, направленном против государя и государства, не влекло за собой немедленного оправдания лица, обвиненного этим доносом. Решение дела предоставлялось в данной ситуации на усмотрение государя. Установленный Соборным уложением особый порядок разбирательства дел о государственной измене, очевидно, был призван предотвратить уход обвинявшихся в совершении этого преступления лиц от уголовной ответственности и в тех случаях, когда серьезных доказательств, способных подтвердить обвинение, суд получить не мог. Составители Соборного уложения явно исходили здесь из представления, что лучше осудить множество невинных, нежели дать уйти от наказания хотя бы одному виновному.

Ф. В. Тарановский высказывал мнение о том, что «указ по рассмотрению», предусмотренный статьей 12 главы II, «отступая от принципа *nulla poena sine lege*, предполагает не назначение наказания, установленного Уложением и налагавшегося “указом по сыску”, а пониженное карательное воздействие на лицо, не столько преступное, сколько подозрительное и неблагонадежное». По его словам, «предположение о том, что “указ по рассмотрению” не был рассчитан на применение полной меры законной кары, подтверждается, по-видимому, соответственными данными практики политических процессов»². На мой взгляд, даже «не полная мера законной кары» была для дворянина в условиях, когда государь был для него главным источником основных материальных благ, весьма серьезным наказанием. Назначение дворянину даже самой незначительной кары при отсутствии серьезных доказательств совершения им государственного преступления, означало, что он лишился доверия к себе со стороны государя, а это не могло не повлечь за собой прекращения пожалований денежных средств или земель.

Появление в Соборном уложении 1649 года беспрецедентно жестоких мер наказания за государственную измену и распространение их на всех родственников изменника явно свидетельствует о том, что

¹ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 20.

² Тарановский Ф. В. Элементы основных законов в Уложении царя Алексея Михайловича. С. 168.

данное преступление считалось в русском обществе деянием предельно опасным — таким, которое несет в себе серьезную угрозу устоям Русского государства. Назначая за это преступление жестокие наказания не только тем, кто его совершал, но и их родителям, детям и другим родственникам, создатели Уложения были уверены, что данные установления найдут полную поддержку в обществе. И они имели все основания для такой уверенности.

На правосознание русского общества XVII века огромное влияние оказали катастрофические для Русского государства события Смутного времени¹. Большое участие иностранцев — среди них, главным образом, поляков — в бедствиях, выпавших на долю России во время «Смуты» начала XVII столетия, не помешало русским людям увидеть, что главным врагом Русского государства, сокрушившим его, были... **сами русские**. Иностранцы же лишь воспользовались Смутой для достижения своих корыстных целей.

Одно из самых ранних свидетельств такого понимания причин «Смуты» представляет собой «Новая повесть о преславномъ Росийскомъ царстве и великомъ государстве Московском...», написанная в феврале — начале марта 1611 г. «Скажу вамъ истинну, а не ложь, — писал ее автор, оставшийся неизвестным, — что однолично сопостаты наши, которыя у нас, нынѣ с нашими измѣнники-единовѣрники, и с новыми богоотступники, и кровопролители, и разорители вѣры христьянска, с первенцы сатанины, со иудиными предателя Христова братиею, с началники, и со иными их подручники, и угодники, и единомысленники, иже недостойны по своим злымъ дѣломъ прямым своимъ званиемъ именоватися (рещи достоин ихъ — душапагубныя волки), хотят насъ конечно погубити, и под меч подклонити» (курсив мой. — В. Т.). В другом месте своей повести безымянный автор ее называл, кого он имел в виду под «нашими изменниками-единоверцами». Это были в первую очередь русские бояре-землевладельцы. «А сами наши земледержьцы (яко и преже рѣхъ, землесѣдцы), те и давно от него (от Бога. — В. Т.) отстали, и умъ свой на послѣднее безумие отдали, и к нимъ же, ко врагомъ, пристали, и ко инымъ к подножию своему припали, и государское свое приращение пременили в худое рабское служение, и покорилися, и поклоняются невѣдомо кому, сами вѣдаете, и смотрят, из рукъ

¹ См. подробнее об этом: Томсинов В. А. История русской политической и правовой мысли. X – XVIII века. М.: Зерцало, 2003. С. 135–145.

и ис скверныхъ усть его, что имъ дасть и укажетъ, яко нищии, у богатаго проклятого... и пропали навѣки, аще от того зла и худа на добро не обратятся. Горши же намъ всего учинили, что нас всѣхъ выдали, да не токмо выдали, ино заедино с ними, со враги, вооружилися вкупѣ, и хотятъ насъ всѣхъ погубити, и вѣру христьянскую искоренити». Обвиняя в предательстве своего отечества землевладельцев и правителей, которые словно ослепли или онемели и ни один из них не смеет тому врагу ничего запретить, «Новая повесть о преславном Российском царстве...» отмечала, что другие при этом молчат, не говорят, ни в чем врагу не перечат. «И полцы велицы всякихъ чиновъ люди за тѣмъ врагомъ ходятъ и милости и указу от него смотрятъ. Не токмо простии и неимянитии люди, но и сами боярския и дворянския дѣти, и сами дворяне, добродни и изрядни всѣмъ...».

Как известно, Россию спасла от окончательного краха в начале XVII века русская провинция. Для русских людей того времени такой выход из «Смуты» был вполне закономерным. В их представлении спасение России не могло прийти из столицы. «Писание о преставлении и погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомаго Скопина», созданное в середине XVI столетия, за несколько месяцев до освобождения столицы провинциальным ратным ополчением, показывает, что Москва считалась тогда скопищем предателей. Весной 1610 года войска, предводимые племянником тогдашнего царя Василия Шуйского князем М. В. Скопиным-Шуйским, разгромили польскую армию, осаждавшую Москву. Князь с почестями был принят в столице. Царь не имел детей, и талантливый полководец Скопин-Шуйский серьезно рассматривался многими в качестве наиболее вероятного наследника царского престола. Однако в апреле 1610 года, после посещения одного из московских пиров, князь заболел и спустя некоторое время умер. Было ему в то время всего 23 года. В русском обществе распространилось мнение о его отравлении на пиру. В вышеназванном произведении рассказывалось, как мать Михаила Скопина-Шуйского умоляла своего сына не ездить в Москву. «И колько я тобѣ, чадо, в Олександрову слободу приказывала: не ѣзди во град Москву, что лихи в Москву звѣри лютые, а пьшат ядом зминым, измѣнничым» (курсив мой. — В. Т.).

Катастрофические последствия государственной измены для Русского государства в наибольшей степени проявились спустя три столетия после описанных событий. Преступная и бездумная попытка государственного переворота, которую предприняли феврале 1917 года, в разгар мировой войны, лица, занимавшие высшие руководя-

щие посты в Русской армии (М. В. Алексеев, Н. В. Рузский, А. С. Лукомский, А. И. Деникин и др.) и в Государственной думе (М. В. Родзянко, П. Н. Милюков и др.), привела к полной и окончательной ликвидации традиционной Русской государственности, к разрушению одного из величайших в мировой истории государств — Российской империи. Смута начала XVII века стала первым тревожным сигналом, возвестившим русскому обществу, что **государственная измена является в условиях России не просто преступлением, но действием, способным вызвать крушение Русского государства** и тем самым навлечь на русских людей череду невыносимых бедствий. Наказания, которые Соборное уложение назначало за государственную измену, свидетельствуют, что данный сигнал был русскими людьми услышан. Эти наказания могли показаться излишне жестокими только тем, кто забыл уроки великой Смуты начала XVII века.

При оценке норм Соборного уложения, устанавливавших суровые наказания за государственную измену, необходимо иметь в виду, что назначались они, во-первых, судом, и, во-вторых, не произвольно, а по результатам следственного процесса, в ходе которых допускалась, пусть и в малой степени, состязательность сторон (например, в рамках очной ставки). Для назначения наказания лицу, обвиненному в государственной измене, было недостаточно чьего-либо доноса. Шестнадцатая статья второй главы Уложения предписывала: «А кто на кого учнет извещати государево великое дело или измену, а того, на кого он то дело извещает, в то время в лицах не будет, и того, на кого тот извет будет, сыскати и поставить с ызветчиком с очей на очи, и против извету про государево дело и про измену сыскивати всякими сыски накрепко, и по сыску указ учинить, как о том писано выше сего»¹.

Текст Соборного уложения 1649 года был составлен из 967 статей, сгруппированных в двадцати пяти главах. Главы с первой по девятую объединили правовые нормы, предназначенные защищать интересы церкви и государства. На это указывают уже сами названия данных глав: так, глава I называется «О богохулниках и о церковных мятежниках», глава II носит название «О государьской чести и как его государьское здоровье оберегать», глава III — «О государеве дворе, чтоб на государеве дворе ни от кого никакого бесчинства и

¹ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 21.

брани не было», глава IV — «О подпищикех и которые печати поддельывают», глава V — «О денежных мастерех, которые учнут делати воровские денги», глава VI — «О проезжих грамотах в ыные государства», глава VII — «О службе всяких ратных людей Московско-го государства», глава VIII — «О искуплении пленных», глава IX — «О мытах, и о перевозех, и о мостах».

В главы с десятой по двадцатую вошли по преимуществу нормы гражданского права и правила, по которым вершился суд по гражданским и уголовным делам, а также «суд о крестьянах» и «суд о холопах». Из этих глав самой большой стала глава X, получившая название «О суде». В нее вошло 287 статей. За этой главой была помещена глава «Суд о крестьянах», затем — составленная всего из трех статей двенадцатая глава «О суде патриарших приказных и дворовых всяких людей и крестьян». Тринадцатой главе было присвоено название «О Монастырском приказе», четырнадцатой — «О крестном целовании». Главе XV был дан заголовок «О вершенных делах», главе XVI — «О поместных землях», главе XVII — «О вотчинах», главе XVIII — «О печатных пошлинах». Глава XIX получила наименование «О посадских людех», глава XX — «Суд о холопех».

В главах XXI, XXII и XXV были изложены преимущественно нормы уголовного права. Уголовно-правовой характер этих глав отчетливо отразился в их названиях: главе XXI было придано наименование «О разбойных и о татинных делах»; в названии следующей за нею главы было обозначено, что это «Указ за какие вины кому чинить смертная казнь и за какие вины смертью не казнить, а чинить наказанье»; глава XXV была озаглавлена как «Указ о корчмах» (в ней говорилось о преступлениях, связанных с содержанием корчмы, продажей вина, торговлей табаком).

Глава XXIII, состоявшая из трех статей, была посвящена некоторым вопросам судопроизводства по делам стрельцов, она и называлась соответственно — «О стрельцах». В главе XXIV был изложен «Указ о атаманех и о казаках», который включал в себя всего две статьи.

Характеризуя описанный порядок расположения материала в Соборном уложении, С. В. Пахман отмечал: «Таким образом, с одной стороны, Уложение обнимает собой почти все части законодательства, а, с другой стороны, в Уложении как будто видна последовательность, система. Но при ближайшем рассмотрении эта последовательность оказывается мнимой. Кажется, система Уложения определялась особым началом: большей или меньшей важностью тех

приказов, из которых заимствовано содержание Уложения. Таким образом, статьи из более важного приказа ставятся сначала, так что даже большая часть глав размещена по различию приказов»¹. В доказательство данного мнения Пахман привел тот факт, что в Уложении после первых трех глав, которые, как он считал, были «заимствованы частью из Литовского статута, частью из законов греческих императоров (Византии. — В. Т.) и частью из туземных постановлений», следуют главы (четвертая и пятая), статьи которых заимствованы из записных книг Тайного приказа. «Далее идут статьи, заимствованные из Посольского Приказа (гл. 6). Главы 7-я, а, может быть, также 8-я и 9-я, заимствованы из Разряда, который был потом назван Приказом военных дел. Глава 10-я взята из Судных приказов, которых было два в Москве: Владимирский и Московский. Глава 11-я, суд о крестьянах, из Приказа Поместного, глава 12-я из Патриаршего приказа, глава 13-я из Монастырского приказа, 14-я и 15-я из Судного приказа и т. д.»².

Анализ содержания Соборного уложения показывает, что и расположение правового материала внутри больших по объему, состоявших из десятков статей, глав, было подчинено определенной логике: во всяком случае, это расположение нельзя назвать всецело хаотичным. Логику эту, правда, нелегко обнаружить.

В качестве примера здесь можно привести главу X рассматриваемого правового памятника, посвященную судопроизводству. Она составляет по количеству статей и объему материала почти 30% всего Уложения (287 статей из 967). Если смотреть на содержание десятой главы с точки зрения системы расположения правового материала, применяемой в том или ином современном кодексе, то нельзя не прийти к выводу о том, что ее нормы изложены в случайном порядке и не соединены друг с другом какой-либо логической связью³. Однако логика построения содержания главы X анализируемого правового

¹ Пахман С. В. История кодификации гражданского права / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. С. 213. Мнение о том, что в Соборном уложении «порядок глав определен старшинством приказов, из записных книг которых они выбраны», высказывал в свое время и К. Д. Кавелин (См.: Кавелин К. Д. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1897. Стлб. 891).

² Там же.

³ К такому выводу пришли, в частности, при рассмотрении десятой главы Соборного уложения правоведы В. А. Строев и В. Н. Латкин. См.: Строев В. Историко-юридическое исследование уложения, изданного Царем Алексеем Михайловичем

го памятника вполне обнаруживается в том случае, если взглянуть на него с позиций юридического мышления, присущего для русских законоискусников середины XVII столетия. Ф. В. Тарановский отмечал в статье «Новые данные по истории Уложения царя Алексея Михайловича»: «Преобладающий процессуальный характер памятников древнего права породил своеобразный характер старой юридической систематики. Отправной точкой для последней служило понятие судебного действия, последовательное движение которого определило собою порядок распределения правоположений как формального, так и материального характера, обычно привлекавшихся в различные моменты судебной драмы. Старая юридическая систематика покоилась на драматическом принципе и следовала хронологическому порядку раскрытия действия»¹. Отмеченная закономерность явно проявилась в порядке расположения правовых норм главы X Соборного уложения. По словам Г. С. Фельдштейна, составители данной главы «при расположении материала руководствовались исключительно представлением о движении спора, предвидя по возможности все допустимые случайности»².

Начинается десятая глава Уложения с определения состава суда. «Суд государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси судить бояром, и околичим, и думным людем, и дьяком, и всяким приказным людем, и судьям, и всякая расправа делать всем людем Московского государьства от большаго и до меньшаго чину въправду»³, — говорится в первой статье названной главы. Вторая статья предписывает передавать «спорные дела», которые невозможно разрешить в приказах, «в доклад к государю царю» и «к его государевым бояром, и околичим, и думным людем»⁴. Затем следуют нормы, призванные обеспечить беспристрастность судей, правильность записи судебного дела, необходимую быстроту его решения. Статья 20 определяет порядок подачи челобитных о «судных»

в 1649 году. СПб., 1833. С. 43; *Латкин В. Н.* Лекции по внешней истории русского права. СПб., 1899. С. 131.

¹ *Тарановский Ф. В.* История русского права / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. С. 115–116.

² *Фельдштейн Г. С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль, 1909. С. 29.

³ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 31.

⁴ Там же.

и иных делах. Статьи 21 и 22 устанавливают правило, по которому доказательства должны приниматься от спорящих сторон только во время судебного разбирательства. Статьи 23 и 24 предусматривают правило на случай, если кто-либо из судей не явится на суд из-за болезни своей или упрямства. Статья 25 запрещает судить в воскресный день. Статьи с 26-й по 99-ю объявляют цену исков о бесчестии, которую согласно статье 100 истец должен указать в своем исковом заявлении¹.

Статьи со 101-й по 193-ю посвящены организационной стороне судопроизводства. Здесь указываются случаи решения дела (или отказа в его решении) без суда или до суда, устанавливаются правила поведения сторон на суде, порядок явки или привода сторон в суд и т. п.

Статьи со 194-й по 287-ю устанавливают нормы материального гражданского и уголовного права, на основании которых должно выноситься судебное решение.

Таким образом, расположение материала десятой главы Соборного уложения носит не сумбурный, хаотичный характер, но подчинено определенной логике. Нормы указанной главы излагаются в порядке, который соответствует ходу судебного дела. В. И. Сергеевич считал эту систему изложения норм традиционной для юридических сборников Московского государства. По его мнению, последовательность статей десятой главы Соборного уложения сходна с порядком расположения статей судебныхников 1497 и 1550 годов. «Подобно судебникам, — отмечал правовед, — она начинается с перечисления лиц, которым принадлежит суд, затем идут статьи о порядке суда, о вызове, о явке на суд и т. п. процессуальные постановления. Потом следуют статьи о преступлениях, а в конце находим постановления, касающиеся гражданского права»².

¹ «А в приставных памятех исцом иски свои описывати имянно с ценною, а в которых приставных памятех исцов иск написан будет без цены, и дьяком таких приставных памятей не подписывать» (Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 38). К. Д. Кавелин считал, что словосочетание «приставная память» обозначает в Соборном уложении 1649 г. письменное объявление о вчинении иска и предварительное уведомление судьи о тяжбе, чтобы он мог вызвать ответчика в суд (см.: Кавелин К. Д. Собрание сочинений. Т. 4. СПб., 1904. С. 278).

² Сергеевич В. И. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883. С. 607–608.

Описывая порядок расположения правовых норм в отдельных главах Соборного уложения, Ф. В. Тарановский отмечал, что «драматическая система расположения законодательного материала в хронологическом порядке развития известного действия настолько, по-видимому, свойственна мышлению старых юристов, что применение ее выходит за пределы судебной драмы и встречается и в таких отделах законодательных памятников, которые не имеют ничего общего с судебным процессом»¹. В качестве примера правовед указывал в данном случае на седьмую главу Соборного уложения, посвященную военной службе. По его словам, начинается эта глава «с момента призыва служилого ополчения на службу, или, выражаясь современным языком, на действительную службу (ст. 1), и в дальнейшем следует хронологическому движению начатого служебного действия. В ней последовательно предусматриваются различные, преимущественно уголовного характера, случаи, которым могут подвергнуться ратные люди, “идучи на государеву службу” (ст. 2–7), затем аналогичные и иные возможные случаи “на государственной службе” (ст. 8–29), и наконец, преступные деяния, которые могут учинить ратные люди, “едучи с государевы службы по домом” (ст. 30–32)»².

Соборное уложение 1649 года стало новым этапом не только в совершенствовании характерных для законоискусников Московского государства способов упорядочения правового материала, но и в развитии языка и юридической терминологии³. Текст данного правового памятника был написан преимущественно на русском деловом языке, сформировавшемся в городах Московии в течение XV–XVI веков⁴. Исключение составили заключительные строки первой статьи

¹ Тарановский Ф. В. Новые данные по истории Уложения царя Алексея Михайловича // Тарановский Ф. В. История русского права. С. 119.

² Там же. С. 119–120.

³ По словам исследователя языка Соборного уложения 1649 года филолога П. Я. Черных, язык этот «в общем является значительным шагом вперед в развитии национального русского языка» (Черных П. Я. Язык Уложения 1649 года. Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги. М., 1953. С. 141).

⁴ По словам П. Я. Черных, «Уложенная книга — произведение сугубо светского характера, написанное на языке, очень близком к разговорной (филологической) речи городского населения Москвы, ориентированное на массового читателя и слушателя...» (Черных П. Я. Язык Уложения 1649 года. С. 75).

восьмой главы и десятая статья четырнадцатой главы Уложения, изложенные на церковно-славянском языке. В первой из названных статей идет речь о сборе денег на выкуп пленных. При изложении данной статьи составители ее плавно перешли с русского делового языка на церковно-славянский. Так, ими было написано на русском деловом языке: «А збирать те денги погодно в Посольской приказ по новым переписным книгам, а не по сошному писму» и продолжено уже на церковно-славянском: «чтобы в том денежном зборе никто в ызбылых не был, занеже таковое искупление общая милостыня нарицается, и благочестивому царю // и всем православным христианом за то великая мзда от бога будет, якоже рече праведный Енох: Не пощадите злата и сребра брата ради, но искупите его, да от бога сторицею примите. И пророком рече бог: Не пощадит сребра человека ради. Христос же не токмо сребра, но и душу свою повелевает по братии положить. Больши бо тоя, рече, любви никто же не имать, аще кто душу свою положит по братии своей. И того ради Христова слова благочестивым царем и всем православным христианом не токмо пленных окупати, но и душу свою за них положати достойно, да сторичныя мзды во он день сподобятся»¹.

Десятая статья четырнадцатой главы Соборного уложения была целиком написана на церковно-славянском языке. В ней излагались святоотеческие правила и церковное наставление о крестном целовании, которое применялось в судебном процессе в качестве средства доказывания какого-либо факта в случаях, когда отсутствовали другие доказательства его.

Приведенные примеры показывают, что составители Соборного уложения использовали церковно-славянский язык лишь при выражении христианских заповедей и норм церковного права. Не случайно, на поле свитка с текстом данного правового памятника против десятой статьи четырнадцатой главы стоит помета, свидетельствующая о заимствовании ее текста из Стоглава². С другой стороны, если из сборников церковного права в текст Соборного уложения включались нормы мирского содержания, то они переводились с церковно-славянского на русский деловой язык. В результате получалось, что одна и та же норма излагалась в Кормчей книге и в Уложении на двух разных языках.

¹ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 28.

² См.: там же. С. 250.

Так, норма, устанавливавшая наказание за кражу ружья и коня, имела следующий вид в Кормчей книге (в варианте 1653 года — глава 49, грань 39, статья 53): «Иже во станохъ и в полкахъ на войнѣхъ крадушіи, или убо оружія украдетъ, сурово повелѣваемъ бити его. Аще же подъяремника, рекше коня, или м'ща, или ося, таковымъ руцѣ усѣченѣ бывають»¹.

В Соборном же уложении эта норма выступала в следующем выражении (глава VII, статьи 28–29): «А будетъ кто, будучи на службе в полках, у кого украдет ружье, и того бити кнутом нещадно, а что украл, и то на нем доправить и отдать тому, у кого он украл. А будет кто на службе у кого украдет лошадь, и ему за тое татьбу руку отсечь»².

Норма, освобождавшая от ответственности в случаях, когда у кого-либо случайно загорался дом и огонь от него сжигал дома других людей, также по-разному излагалась в Кормчей книге и Соборном уложении.

Кормчая книга. Глава 50, грань 16, статья 29: «Аще от приключенія заж'жется домъ нѣкоего., и изкочит огонь и пож'жет нѣкія от предлагащих хранинъ, бес печали да будет, яко невольну заж'женію таковому бывшу»³.

Соборное уложение. Глава X, статья 226: «А будет у кого загорится двор ненарошным делом, и от того и иных людей дворы погорят, и на том, чей двор напередь // загорится, никому ничего не правити потому, что дому его запаление учинилося не по его умышлению»⁴.

Соборное уложение отличалось более развитой по сравнению с судебниками юридической терминологией. Для выражения юридических понятий здесь использовались в основном термины, возникшие в русском языке в предшествовавшие исторические эпохи, причем применялись они, как правило, в тех же значениях, что и ранее.

Так, термин «суд» использовался для обозначения судебной тяжбы, процедуры рассмотрения дела, судебного заседания, постановле-

¹ Цит. по: Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002. С. 474.

² Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 27.

³ Цит. по: Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). С. 474.

⁴ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 57.

ния, приговора, кары, наказания и др.¹ В Соборном уложении этот термин применялся в различных значениях во множестве статей (см. ст. 4 главы IV, ст. 7 главы VII, ст. 3, 12, 13 главы IX, ст. 1, 3, 4, 10–12, 18–23, 25, 29–31, 81, 85, 90–94 и многие другие главы X, ст. 2, 3, 5–8 и другие главы XI и т.д.).

Многозначными были и многие другие юридические термины, употреблявшиеся в Соборном уложении.

Однако некоторые из стародавних юридических терминов приобрели в тексте Соборного уложения более определенное, чем они имели прежде, значение. Так, в русских письменных памятниках начиная с XII века использовалось слово «извет». При этом значения его могли быть самыми различными. Например, «изветом» назывались отговорка или предлог, извинение, причина, наговор, обман². В Соборном уложении термин «извет» выступает только для обозначения доноса о преступлении. Это видно из содержания первой статьи второй главы, которая гласит: «Будет кто каким умышленьем учнет мыслить на государское здоровье злое дело, и про то его злое умышление кто известит, и по тому **извету** про то его злое умышление същещца допряма, что он на царское величество злое дело мыслил и делать хотел, и такова по сыску казнить смертию»³ (выделено мною. — В. Т.).

Изменения претерпел к началу XVII века и термин «челобитие». До этого времени данный термин употреблялся для обозначения *устного* обращения к носителям власти с просьбой рассмотреть то или иное дело и вынести свое решение. Само происхождение его от словосочетания «бить челом», то есть ударять о землю лбом, показывает, что здесь не имелась в виду подача *письменной* жалобы. В документах XVII века и, в частности, в Соборном уложении 1649 года, термин «челобитие» обозначал чаще всего обращение именно с *письменной* жалобой, которая вследствие этого получила наименование «челобитной». В качестве иллюстрации применения термина «челобитная» можно привести статью 21 главы X указанного правового памятника: «А которые люди после суда учнут приносить к судным

¹ См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3-х томах. Т. 3. СПб., 1893. Стлб. 603–607.

² См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3-х томах. Т. 1: А–К. СПб., 1893. Стлб. 1047–1048.

³ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 20.

делам подписные и неподписные челобитные, а в тех челобитных напишут прибылые статьи для пополики судного дела, чем бы им быть правым, а в суде у них тех статей не было, и у них таких подписных и неподписных челобитен к судным делам не принимать, а вершить те дела по тому, как будет в суде записано»¹.

О том, что словом «челобитная» в Соборном уложении обозначался документ, выражавший исковое требование, свидетельствует и словосочетание «исковая челобитная», которое употреблялось в целом ряде статей данного правового памятника. Так, об «исковой челобитной» идет речь в статьях 101, 102, 104 главы X².

Сравнивая между собой значения терминов «челобитие» и «извет», историк В. О. Ключевский писал: «От *челобития* как акта, вчинявшего иск, надобно отличать *извет*. *Извечать* значило заявлять протест против нарушения права, не вчиняя формального иска. Когда нарушитель права встречал со стороны потерпевшего молчание, на суде это молчание принималось за знак согласия; кто не имел возможности начать иска о нарушении права, но хотел отстранить от себя на суде ссылку на это молчание, тот подавал *извет*, т. е. простой протест. Впоследствии извет отличался от формального иска и получил значение *доноса*; такое значение доноса тайного, оформленного и не сопровождавшегося актами обычного процесса, имел *извет* в XVII в.»³.

Содержание Соборного уложения 1649 года носило преимущественно казуистический характер. Такая форма регламентации общественных отношений не всегда бывает следствием недоразвитости правового мышления. Она может являться всего лишь результатом постепенного формирования правовых институтов из судебной практики. Но во всех случаях казуистичность того или иного права препятствует появлению в его знаковой системе терминов, обозначающих абстрактные понятия — такие, как, например, право собственности вообще, преступление или наказание. Казуистичность норм Соборного уложения предопределила предельно конкретный ха-

¹ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 33.

² В статье 101 главы X, в частности, говорится: «А будет ответчик по приставной памяти, дав по себе поруку, став к суду и на суде выслушав исцовы исковые челобитной, не отвечает, а в челобитной иск написан будет с ценою, и того ответчика без суда обвинить, и исцов иск велеть на нем доправа отдать исцу».

³ Ключевский В. О. Терминология русской истории // Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Т. 6: Специальные курсы. М., 1989. С. 168.

рактир их терминологии. Тем не менее, при анализе текста данного правового памятника нетрудно заметить юридические термины, которые, хотя их и невозможно еще отнести к абстрактным, всецело обобщенным, приближаются по своему значению к такого рода терминам.

К их числу относятся, например, слова «вор», «воровство», «воровский». В ряде статей Соборного уложения названные термины употребляются в значении, близком к значению терминов «преступник», «преступление» и «преступный». Так, в статье 8 главы XXI говорится: «А которые люди приведут в губу татя или разбойника, а те разбойники или тати учнут на тех людей, и на их дворовых людей, и на крестьян, которые их в губу приведут, говорить розбой, или татьбу, или иное какое **воровство**, и тому не верить для того, чтобы всяким людем безстрашно было **воров** имая в губу приводить»¹ (выделено мною. — В. Т.). Очевидно, что термин «воровство» в приведенной статье употреблен в значении «преступление», поскольку здесь предполагается, что и «розбой», и «татьба», и другое какое-либо преступное деяние являются «воровством». Слово же «вор» в данном случае явно применено для обозначения людей, совершивших указанные преступления.

Термин «воровство» использовался составителями Соборного уложения также для обозначения подстрекательства к бунту. Об этом свидетельствует статья 13 главы XXII: «А которые **воры** чинят в людех смуту и затевают на многих людей своим воровским умышлением затейные дела, и таких **воров** за такое их **воровство** казнити смертию»² (выделено мною. — В. Т.).

Другой любопытный случай употребления термина «воровство», а с ним и «воровский», представляет статья 2 главы IV. «А будет кто **воровством** же, — говорится в ней, — учнет отимати государевы печати от государевых грамот или от иных каких приказных писем, и те государевы печати учнет к иным каким **воровским** писмам прикладывати, или будет кто учнет какия писма **воровством** же наряджати, и приказныя писма переправливати мимо государева указу, и того казнити смертию же, а писмам его нарядным ни в чем не верити»³ (выделено мною. — В. Т.). В данной статье термины «воров-

¹ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 118.

² Там же. С. 130.

³ Там же. С. 22–23.

ство» и «воровский» явно применяются в значении «преступление» и «преступный».

Впоследствии термины «воровство» и «вор» станут употребляться в более узких значениях — их будут применять для обозначения лишь одного конкретного преступления, а именно: кражи и соответственно лица, кражу совершившего. Но произойдет это на новом этапе развития русской юриспруденции, когда в рамках русской юридической терминологии сформируется целый ряд специальных терминов для обозначения юридических понятий абстрактного характера.

